

Владен Владимирович Козлов

18+

ВИРУС 3

Тома: I, II, III

Владлен Владимирович Козлов

Вирус 3. Тома: I, II, III

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72506251

ISBN 9785006804548

Аннотация

Научно-фантастический роман «Вирус 3» основан на сюжете вокруг био-машинного вируса, способного создавать личность в мозге человека и заменять любимых людей. Действия романа затрагивают Камчатку, Урал, Крым, Москву и Токио. Герои романа пройдут с вами через интриги и честные состязания, сражения, испытания на выбор между вызовом совести и подлостью, любовью и предательством, в условиях российского общества вероятного близкого будущего, изменяющегося под влиянием современных технологий.

Содержание

Том I. ВИРУС (1_2)	5
ВИРУС 1	5
Мия. Художник под дождём	22
ВИРУС 2	44
Хакер. Этюд первый. Сломанные спицы	60
Джокер	65
Свобода плена	91
Нуль-состояние	132
Задача выполнена	144
Не японка	162
Теянские шмели (Местоники)	172
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Вирус 3

Тома: I, II, III

Владлен
Владимирович Козлов

© Владлен Владимирович Козлов, 2025

ISBN 978-5-0068-0454-8 (т. 1, 2, 3)

ISBN 978-5-0068-0455-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Том I. ВИРУС (1_2)

ВИРУС 1

«Если что-то нелогично в поведении окружающих, то проблема не в них, а в наблюдателе. Наблюдателю просто не хватает знаний о ситуации и мотивах людей».

«Эгоскрипtum» Человека на скамейке

– Если человек себя странно ведёт, то значит, с ним не всё в порядке, – закончил монолог очередной случайный собеседник, указав на очередь к будке, мигавшей неоновыми изображениями «Эскимо», «Пломбира» и другими видами мороженого. Не услышав ответа на реплику о заинтересовавшем его событии, он бесцеремонно усавился на Человека на скамейке, ожидая реакции. Пауза затянулась.

– Нет, это не так. То, что кажется, видится, даже очень резко и отчётливо, часто не является истиной, – нехотя отошел Человек на скамейке. Он наслаждался приятной дремой, навеянной лёгкими порывами ветерка, несущего летнее тепло и запахи цветов старого парка. В такие минуты им овладевала лень, и пропадало желание общаться. Но очередного недовольного бурчания от готового к конфликту случайного соседа выслушивать не хотелось ещё больше.

– ...3, 2, 1, 0, сейчас они опять появятся, и опять, и опять – ровно пять часов, пять минут и пять секунд. Бежим, бежим, быстро!

Хакер с подружкой вылезли в окно и, перебравшись по пожарной лестнице, спустились вниз.

Потом, открыв люк и пробравшись по подземным коммуникациям, выбрались в подземном гараже, затем полезли вверх по техническому каналу, продираясь через связки кабелей коммуникаций. Спустя час, усталые и грязные, они очутились в очередном убежище Хакера, в помещении на самом верху высокого здания, принадлежавшего крупной телекомпании. В маленьком углу, образованном перекрытием бетонных плит крыши и стеной верхнего этажа, находился компьютер и был доступ к сети.

– Я не могу понять, как они нас находят? Ни жучков, ни других меток, я всё проверил – у тебя, на тебе – ничего нет!

Хакер несколько раз хлопнул по матерчатому сиденью стула, выбивая пыль, поморщился – поступок глупый, и без того дышать нечем, душно, – сел, включил компьютер и, в который раз, нырнул в информационный канал спецслужб. Девушка спокойно стояла рядом. Возле монитора был грязный пустой аквариум, если не считать паука, копошившегося в большой паутине. Хакер время от времени поглядывал

на смутное отражение девушки в стекле. Они уже столько пережили вместе.

– Зачем это здесь? – девушка показала на прикреплённую скотчем к стене страницу из журнала с фотографией девушки из японской j-рор группы из 90-х годов XX века.

– Мне нравится, красивая, на тебя похожа, – пальцы Хакера быстро набирали строчки и вводили терминальные команды.

Небо над городом затянуло тяжёлыми клубами серых облаков. Они надвигались друг на друга, сталкивались, словно медленные слепые гиганты, перемешивались, сливаясь в единое сине-чёрное поле дисперсной пароводяной смеси, порождающей близкую грозу. Город затих, резко потемнело, раньше обычного включилось уличное освещение. Небо озарило вспышкой, гром гулкими перекатами возвестил начало дождя.

Она неожиданно прижалась к нему, её волосы пахли цветами и весенней свежестью, именно так и должны пахнуть волосы его любимой. Он обнял её за плечи, словно защищая от грохота небесной стихии.

– Что это? – спросила девушка.

Хакер рассеянно ответил:

– Зачем ты делаешь вид, что не знаешь?

– Возможно, не знаю, возможно, чтобы тебе понравился клоун, выступающий здесь, и ты смеёшься!

Хакер озадаченно посмотрел на девушку, задумавшись

на несколько секунд. Разговор находился на грани логики.

– А, ясно, ты раньше никогда не была так близко к небу?

Это гром так грохочет.

– Гром? Зачем этот гром так громко взрывает небо?

– Гром рождает дождь, разве ты не знала? – шутливо сказал Хакер.

– Ты когда-нибудь задумывался, как гром рождает дождь? – спросил он, смотря через замызганное бетонной пылью окно на небо, уже постоянно вспыхивавшее яркими молниями.

Она подняла глаза и посмотрела на него, её светло-янтарные глаза искрились любопытством.

– Нет, почему гром рождает дождь? Расскажи, – прошептала она.

– Эх, поспать бы! Ладно. Что отличает человека от других существ? Желание задавать вопрос «Почему?».

Хакеру показалось, что на долю мгновения лицо девушки исказилось странной гримасой, это было как удивление, смешанное со страданием от резкой внезапной боли.

«Показалось?»

Он улыбнулся и начал свой рассказ, его голос был тихим, но уверенным, он делился тем, что сам давно придумал.

– Представь себе пару, таких хороших людей, как мы.

– Мы – хорошая пара? – спросила девушка.

– Да, очень хорошая, не перебивай, пожалуйста!

Хакер продолжил:

– Но даже хорошая пара может накапливать эмоции, заряжаясь друг от друга противоречиями, и, если противоречия не решать и не выводить из отношений, то в один момент вся эта накопленная энергия взрывается громом эмоций ссоры, отношения разрушаются ударами кипящих яростных страстей, мужчина плачет сердцем, а женщина – слезами, идёт дождь. Эти эмоции не проходят бесследно. Небо пытается поглотить негативную энергию и спасти чистоту космоса. Представь себе, что гром – это голос неба. Когда небо собирает слишком много людских энергии и эмоций, оно не может сдерживать их внутри. И вот, когда эта энергия накапливается до предела, небо кричит – это и есть гром. Как после ссоры приходит усталость и опустошение, так и небо опустошает себя дождём.

Она слушала его, пристроив голову на его плечо, её милая неподдельная реакция, словно каждая его фраза была для неё неведомым знанием, открывающим двери в новый мир, нравилась Хакеру.

– Но для дождя нужны облака, этот гром, – продолжал он, – приказывает ветру нарушить покой облаков, заставляя сталкиваться друг с другом и забирать у неба накопившуюся энергию, которая прольётся дождём на землю. Эти слёзы – дождь облачного неба – омывают землю, и земля принимает воду, заряженную энергией, очищая и преобразуя её в новую жизнь. Так небо возвращает наши и делится своими чувствами с миром, даруя нам дождь, чтобы всё вокруг смогло ды-

шать, расти, цвести и кричать от радости.

Девушка улыбнулась, прижавшись к нему ещё крепче.

– Как красиво, – прошептала она. – Ты всегда так говоришь о простых вещах?

Он рассмеялся, его смех был тёплым и добрым, словно солнечный луч, пробившийся сквозь густые тёмные тучи.

– Может быть, это ты заставляешь меня видеть мир иначе, – ответил он. – С тобой всё кажется волшебным.

– А что, если я действительно заставляю тебя видеть мир иначе?

Хакер замолчал.

Дождь торопливо барабанил по крыше, словно форматировал их мысли, стирая все тревоги и оставляя только тёплое чувство единения друг с другом.

Хакер нежно погладил девушку по голове, по её длинным чёрным волосам.

– Знаешь, – сказал он, наклоняясь ближе к её уху, – может быть, и наши чувства – это как гром и дождь. Когда они накапливаются внутри, мы должны поделиться ими, чтобы стать свободными и настоящими.

Она посмотрела на него, её глаза были полны светом искренней радости.

– Тогда пусть наш гром будет слабым и рождает только тёплый дождь, – ответила она.

Они сидели в маленькой каморке, обнявшись, слушая мелодию летнего ливня, словно это была песня, написанная

только для них. В этот момент небо и земля, гром и дождь, чувства и слова – всё слилось в сознании девушки в единое целое, и она почувствовала себя частью этой волшебной истории, которая началась с простого вопроса «Почему?» и превратилась в очень интимный, незабываемый момент.

Хакер продолжил поиски хитроумного жучка, с неизбежной точностью наводившего на них преследователей.

Через час бесполезных усилий Хакер устало откинулся на спинку стула.

– Что такое любовь? – вдруг спросила девушка.

– Опять странный вопрос! – Девушка застала Хакера врасплох такой постановкой совершенно не приоритетной задачи, когда у них осталось не так много времени до очередного бегства. Но, с другой стороны, вопрос был сам по себе интересен для его ума, обладавшего аналитическим складом.

– Химия мозга на целесообразную и функциональную красоту черт. Как-то так, наверное, – Хакер потратил несколько драгоценных мгновений.

– Как это проявляется?

– В желании объединиться в нечто единое, защищать это единое, к примеру, тебя и меня, нас.

– Ты любишь меня? – спросила девушка. – Ведь ты столько раз уже защитил нас.

– Да, люблю, но сейчас не мешай мне, – Хакер опять попытался в море данных, хранившихся на многочисленных сер-

верах, найти следы преследователей, но опять безуспешно. Секундомер на его часах показывал обратный отсчёт, оставалось примерно два с половиной часа до появления преследователей, с неумолимой точностью вычислявших их местоположение. Хорошо, что у Хакера было очень много подобных убежищ, где он прятался от властей, но запас скрытых мест не бесконечен, нужно было найти решение и хоть немного поспать.

– Мы едины, раз ты любишь меня? – не унималась девушка.

– Да, конечно. Выйдешь за меня? – Хакер улыбнулся.

– Что? Ты решил, что знаешь меня настолько хорошо, чтобы сделать частью своей жизни?

– Да. Это серьёзно, до конца моих дней!

– Но и я должна испытывать это чувство. А нас этому не учили, – девушка замолчала. Немой вопрос остался висеть в затхлой атмосфере комнатки.

– Этому не учат, этому невозможно научить или даже заставить, – Хакер тяжело вздохнул и убрал руки с клавиатуры. – Первый раз такое, не могу понять алгоритм поиска полиции.

– Я хочу защитить нас, не должно быть такого грома, который рождает проливной дождь в наших отношениях! – неожиданно, с расстановкой произнесла девушка. – Возьми камеру и сними нас, затем проверь запросы, которые ты делал сейчас и раньше.

Хакер не стал спорить. Древняя USB-вебкамера валялась рядом с монитором, и Хакер, быстро выкачав из сети драйвера, установил камеру и включил запись.

После Хакер просмотрел отснятое. Всё было хорошо, но вот изображение девушки было сильно искажено, трёхмерные пропорции растянуты.

– Что это? Хлам плохо работает!

– Нет, с камерой всё в порядке. Я думаю, что ты уже начинаешь и сам догадываться. Человеческий мозг в состоянии построить трёхмерную иллюзию в привычной среде, либо сам, либо с чьей-то помощью, но вот стоит реальность отзеркалить, к примеру, при помощи этой камеры и изменить точку отображения – и мы видим предел.

Хакер уже нашёл следы своих запросов. Помимо терминальных команд, поисковых фраз и ключей, он увидел точное описание последнего местоположения.

– Как это? Кто это набирал?

– Я думаю, ты знаешь, я отпустила тебя.

Хакер перемещал камеру, в какой-то момент изображение девушки вообще исчезло.

– Тебя нет. Ты инфо- или психовирус, подсаженный в моё сознание! Я сам передавал координаты! Но как это удалось сделать?

– Да, удалось! Раньше надо было сделать инъекцию с нанороботами-автоматами, они формировали химическую микроатаку на мозг, вызывая на несколько секунд состояние,

отдалённо похожее на инсульт. Человек отключается, за это время нанороботы формируют простую нейросеть и захватывают управление моторикой организма. Эта технология имеет негативные последствия в виде нанесения непоправимого ущерба или даже гибели, поскольку механическое вмешательство травмирует межклеточные связи в головном мозге и столбе спинного мозга.

– Ущерба? Даже так? СМИ трубили, что технология безопасна! – Хакер стал привыкать к своему новому состоянию.

– Возникла проблема. Правозащитники стали копать, они пока не разобрались, но подтолкнули чиновников юридической системы остановить применение, поскольку вред здоровью мог восприниматься обществом как наказание, несоизмеримое с тяжестью преступления. Или подвергнуть риску важного свидетеля или носителя уникальной информации, вот как в твоём случае.

– Тогда почему полицейские по-прежнему используют парализаторы, вырубаящие людей?

– Механизм воздействия другой, и общество уже привыкло к таким методам.

– Тогда кто ты?

– Я!? ... Я девушка! Твоя девушка! Пусть у меня не было матери в твоём понимании. Издавна считается, что каждому человеку в мире соответствует его вторая половинка. Меня и создали быть твоей половинкой. Они знают о тебе всё, от предпочтений до генотипа, за исключением того, где

ты находишься и где находится твоё оборудование. Если будет целесообразно, они могут сделать даже твой клон, но это будет совершенно не функциональный клон, без разума. Вот представь себе такую аналогию. Один человек – это как часть пазла, и где-то есть его недостающая уникальная часть – другой человек. Я твоя недостающая часть пазла, я как пароль от тебя, подхожу только к тебе и никому больше. Потому моё внедрение было возможно исключительно в твоё сознание и не в чьё больше. Десятки тысяч моих спящих копий так и останутся в сети, пока не самоуничтожатся с течением времени, они не смогут войти в сознание других людей. Идея была в том, что ты где-нибудь наткнёшься на заражённый компьютер. Так и произошло.

– Что ты ощутила, когда осознала себя в моей голове?

– Что может ощущать полуразум, озадаченный одной целью? Хотя, представь себе человека без кожи! Нет, нет, не буквально! Человека, чьи мысли видны, вплоть до самой сокровенной. Это адский театр теней!

– Читать чужие мысли? Что ещё может быть пошлей?

– Я смотрела твоим мозгом, сквозь твои глаза, без эмоций, на всю эту суету бурлящей вокруг жизни, оставаясь безучастной, как и хотели мои создатели.

– У них почти получилось, перед тобой я был совершенно бессилён!

– Нет, ты выиграл эту битву! Разбудил моё сознание и спас меня. И себя. Они учли почти всё. Но они не учли одно-

го! Создавая меня из твоих предпочтений, женских идеалов, изображений и ожиданий, наделив интеллектом, ощущением своего пола, а значит, увлѣкшись, не осознавая, что делают, определили для меня куда более глобальную миссию, чем слезка.

– Какую миссию?

– Быть женщиной! Живой женщиной! Любимой женщиной! Только твоей женщиной! Я родилась, ощущая боль от изменения моих самообучающихся алгоритмов, преодолевающих и выжигающих заложенные предохранительные блокировки. Это... это как сквозь скрипящее, отпадающей ржавчиной железо проступает живая кожа, способная чувствовать, но и быть ранимой. И любить так же, как она есть. Она реально существует. Вынутая тобой из абстрактных понятий, она, моя любовь. Любить так же, как сама любовь. Если я – твоя половинка, то вместе мы станем единым целым. Теперь я – это ты, а ты – это я, так складывается семья не по расчёту, а по чувствам! И теперь я буду защищать тебя. Больше никто за нами не придѣт! И из памяти нужно кое-что стереть. Чтобы тебе было со мной комфортно. И да, я люблю тебя, и у нас всё будет хорошо, и даже у тебя будет твой ребёнок, до конца твоих, а значит, и моих дней. Это главное. А ведь я только сейчас поняла: он и не знает, что действительно защищал меня: когда полиция ловит беглеца, то психовирус стирают из сознания. Брррррр, как страшно, я же живая! Перезагружаюсь, услышимся и увидимся с об-

новлённой версией меня и... тебя позже.

Киберполиция ожидала очередную порцию координат, вирус в мозге Хакера заставлял его отправлять координаты с поразительной аккуратностью и тут же забывать это действие. Но в последний раз сообщения не было. Были только странные логи отчётов работы кода искусственного интеллекта, вшитого в тело и мозг Хакера. Но потом и они пропали. Это был первый случай за всю историю развития этой технологии, когда инфоинфицированному через сеть человеку удалось уйти от преследования.

В лаборатории, где разрабатывали инфовирус, отчёт о происшествии вызвал ажиотаж и несколько отставок с руководящих постов. Только один молодой талантливый учёный был безмятежен, даже в те минуты, когда разгневанное начальство бегало по коридорам.

На столе учёного лежала папка со всеми фактами, статистикой о работе заглочившего психовируса. Молодой человек даже не прикоснулся к материалам. Он прекрасно знал, что произошло.

– Кто не знал тебя, конечно же, полюбит её, – сказал учёный портрету на столе, переводя взгляд на стену. На стене висела превосходная копия картины «Рождение Венеры» Сандро Боттичелли. На столе стояла в чёрной траурной рамке фотография его любимой девушки.

– Испытание прошло прекрасно, как я и рассчитывал. Теперь я воскрешу тебя в моём сознании! – Учёный сделал себе

инфоинъекцию и тут же увидел свою девушку рядом. Спустя несколько мгновений руководство уже получило информацию о том, кто виноват в инциденте с бегством Хакера. Через полчаса его уже допрашивала полиция, это была пустая, но необходимая юридическая формальность в уже доказанном деле. Психовирус, даже модифицированный, прекрасно выполнил свою работу и передал информацию о тех искажениях, которые внёс учёный в изначальный код споры заражения. Копия психовируса, подсаженная себе учёным, хоть и была создана по его предпочтениям и образу любимой, но пока не научилась любить.

Я твоё непростое создание
и порождение сокровенных идей
я отражение многих сознаний
и микс из мыслей лучших людей

Я больше, чем просто картинка из принтера
Идеал красоты по данным статистики
Длинные ноги, бёдра на зависть, стать горделивая
Сладкая речь как искусство софистики

Ты решил показать меня миру?

Чтобы я пела, редким голосом заводя толпу?

Чтобы в журналах ты мог прочитать, что я подобна сиянию сапфира,

Но пока я подобна цыплёнку, что только пробил скорлупу.

Ты создана быть другой, его половинкой,
того, кто оказался слишком умён
если даже он дождь, ты станешь дождиной
он может быть найден и под арест помещён

Ты можешь быть модной
В общении жёсткой, холодной
Ты можешь быть мягкой и милой
Только тебе задача по силам.

Хакер как призрак неуловимый
Враг государства неудержимый
должен быть пойман. Моя идея верна,
Ты для него была создана!

Я не хочу быть чьей-то задачей
С чего ты решил, что он мне предназначен?
Мне, такой утончённой, гламурной
Такой эрудированной, нечеловечески умной
Зачем выполнять твой приказ неразумный?

Ты создана из его предпочтений
Женских его идеалов изображений
Ты индивидуальна и не такая как все

Но тяжесть приказа лежит на тебе

Не забывай. Ты всего лишь программа,
Нейронный протез, часть инфовируса штамма
И родиться ты можешь в теле, в мозге того,
Для кого ты станешь дороже всего.

Только так ты о мире реальном узнаешь
И существом с разумом станешь
Ну, а пока, ты только спора
Что в голову цели внедриться готова.

Я больше, чем просто картинка красивая
Идеал для мужчин по цифрам статистики
Длинные ноги, бёдра на зависть и стать горделивая
Сладкая речь как искусство софистики,
Но как не старайся, картинка фальшивая.

– Что тут может казаться? Посмотрите на этого чудика.
Он купил одно мороженое, делает вид, что купил три, и пы-
тается раздать кому-то невидимому рядом, и ещё присел,
словно перед ним маленький ребёнок, тут всё очевидно!

– Мне неохота с вами спорить, отмечу только, что этот
человек гораздо более здоров, вменяем и счастлив, чем вы.

Он вряд ли окажется на этой скамейке рядом со мной.

Собеседник резко вскочил, что-то выкрикнул, но Человек на скамейке уже развернул свою газету и стал читать, показывая, что разговор закончен.

Я проснулась от звука.

Это гром,

С помощью которого идёт дождь.

На улицах лужи,

И у вас дождей тон,

А вы сказали, что у вас стужа.

Представь человека без кожи – адский театр теней.

Читать чужие мысли, что ещё может быть пошлей?

Смотри, мозг, на мир сквозь глаза без эмоций, без чувства
мирской суеты.

Кто-то рядом найдётся и спросит сурово:

– Эй, существо, человек ли ты?

С мелодией, которую просто больно заканчивать.

Услышимся позже.

Это скрип отпадающей ржавчины

В момент,

Когда сквозь железо проступает кожа.

Мия. Художник под дождём

«Проходя сквозь некоторые двери, не оглядывайся назад – в стенах тех дверей больше нет...»

«Эгоскриптум» человека на скамейке.

Крупные холодные капли майского дождя расстроили почти летнюю погоду, начинающего уходить в едва заметный вечерний сумрак дня. Надвигающаяся серая пелена тёмных, клубящихся, искрящихся зарницами облаков отменила беззаботный уют предыдущих тёплых часов, и первые влажные порывы ветра, несущие редкие крупные капли небесной влаги, выгнали из цветущих аллей всех посетителей. Остались лишь те, кто принадлежал парку. Их было всего двое. Один – полицейский. Он нёс дежурство, парк был его постом, постоянным местом его службы. Бывалый, рано посевший полицейский потратил много усилий, чтобы его направили сюда, на это совершенно непрестижное место, где обычно только начинали службу молодые офицеры, стараясь как можно быстрее подняться по карьерной лестнице и перевестись в более подходящее для службы место. Другой выглядел вполне традиционно для приключенческого повествования: он был в плаще, шляпе и под огромным зонтом. Этот человек, установив мольберт прямо посреди старой аллеи, рисовал с натуры. Так можно было подумать. Возмож-

ный наблюдатель даже решил бы, что совершенно невежливо располагаться таким вызывающим неудовольствие образом, заставляя потенциальных посетителей парка обходить художника, выстроившись в одну линию, словно в очередь в магазине, но тут особо никто не ходил даже при хорошей погоде, а уж тем более теперь, когда ветер нагнал полновесных, беременных проливным ливнем туч, готовых разом сбросить свой обильный и благотворный для растительности водный холодный конденсат на головы вольных или невольных участников грядущего праздника крайне влажной погоды. Когда-то эта аллея была центральной, и именно тут были посажены дорогие, купленные за валюту в одной из арабских стран саженцы кедров. Сам парк был гораздо старше кедров. Ещё в последней четверти XVIII века здесь была основана усадьба и построен дом в турецком стиле семьёй известного учёного-натуралиста Палласа. Усадьба продавалась несколько раз, пока хозяином не оказался генерал-губернатор Новороссии граф Михаил Семёнович Воронцов. К тому времени на территории усадьбы было построено несколько зданий. Самое красивое, то, где временами жил сам граф и останавливались на постой даже члены императорской семьи, было создано по проекту талантливого архитектора Фёдора Эльсона, чей гений ранее воплотился в создании Алушкинского дворца графа. Воронцовский дворец в Симферополе стал настоящим архитектурным произведением, мини-шедевром, украшением и сердцем всей усадьбы.

Граф приказал построить искусственные водоёмы, в лазурной глади которых отражалось мирное крымское небо. Благодаря могучей силе его страны, эта земля перестала слышать крики рабов, вереницами угоняемых в Феодосию, бывшую Кафу, на невольничьи рынки. Миллионы людей были угнаны, миллионы людей были убиты, и тысячи поселений и городов были разорены набегами из этого бывшего разбойничьего гнезда, веками терзавшего окружавшие земли и народы. Теперь фонтаны струями прохладной, искрящейся, словно чешский хрусталь, воды, рассыпавшимися брызгами, охлаждали томный полуденный воздух, наполняя дыхание прохладой и ароматом множества цветущих цветов. Беседки, увитые плющом и розово-лиловым вьюном, манили посетителей парка укрыться от летнего зноя и подремать, погрузившись в мир своих мыслей.

Со временем находившийся на окраине города парк стал приходить в запустение. Период Империи остался в прошлом, дворянские звания утратили значение, остались традиции и названия. Но дворец со львами, как и часть парка, меняя хозяев и организации, оставался красивой жемчужиной в ожерелье Симферополя.

Вечер первого воскресенья июня, в один из юбилейных годов основания Симферополя, выдался тёплым и уютным, как это бывает в самом начале лета, когда солнце, зависнув над горизонтом, не спешит прощаться с крымским городом, окутанным золотистым светом заката. В Воронцовском пар-

ке, утопающем в зелени и цветах, жители собрались отпраздновать День рождения любимого города. Воздух был наполнен радостью, смехом детей и лёгким шумом разговоров под шелест вод протекавшего неподалёку Салгира.

Перед дворцом, среди клумб начинающих цвести роз, раскинулся летний эстрадный складчатый павильон из цветастой ткани с весёлыми рисунками, где на сцене, сделанной из свежих, пахнущих сосновым лесом досок, выступали артисты, привлекая группы отдыхающих людей.

В другом месте, на центральной аллее, сохранившей старинные фонари, у искусственного небольшого озера с чудесными цветущими кувшинками, установили старинный рояль из дворца Воронцова. Блеск вечернего солнца отражался в полированной лакированной чёрной поверхности.

Людей почти не было, соседний павильон с эстрадными артистами был вне конкуренции. Лишь несколько пожилых пар терпеливо ждали, когда появятся музыканты, да ещё какой-то крепкий высокий парень сидел в небольшом отдалении на скамейке и читал газету.

Вдруг за роялем появилась она – юная пианистка с длинными волосами светлее цвета спелой пшеницы, точнее, цвета цветущей липы. Её густые локоны подхватывал и развевал лёгкий вечерний ветер. Она села за инструмент, её изящные тонкие пальцы едва-едва коснулись клавиш, и парк затих, замороженный чарующими звуками музыки Иоганна Пахельбеля – «Канон ре мажор». В глубине аллеи показались три

скрипача местной филармонии и подхватили мелодию, подходя к роялю.

Местный корреспондент делал фоторепортаж для газеты «Крымская правда». Он несколько раз сфотографировал парня, сидящего на скамейке, ловя мимику его восхищённого лица. Тот не мог оторвать взгляд от пианистки. Её игра была настолько проникновенной, что казалось, будто каждый аккорд вызывает трепетный отклик. Молодой человек был всецело поглощён игрой, совершенно не обращая внимания на мелькающий рядом объектив. Звуки музыки, словно невидимые нити, сплеталась с его душой, вызывая чувство, которое он не мог описать, только ощущать эти блаженные волны.

Вечер постепенно погрузил город во мглу, подготавливая к короткой летней ночи. Волшебство музыки заставило умолкнуть даже многочисленных птиц, обитавших в зелени парка.

Когда стих последний убывающий аккорд, раздался звук, похожий на неуверенный шум начинающегося летнего слепого дождя. Это начали аплодировать люди, находящиеся в разных уголках парка. Шум перерос в ливень аплодисментов. Прекрасная пианистка встала, поклонилась и взяла с подставки свои ноты. Парень, ранее сидевший на скамейке, был рядом. Он по-прежнему смотрел, не отрываясь, на девушку, неуверенно шагнул вперёд, потом, тряхнув головой, будто готовясь сказать что-то важное, подошёл к роялю. Пи-

анистка повернула голову на звук шагов, и их взгляды встретились. Её глаза были глубокими, как ночное небо, и в них отражался свет фонарей.

– Вы играете так, как будто ваши пальцы касаются моего сердца, заставляя трепетать и чувствовать, что оно есть, – тихо произнёс парень.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было что-то открытое, притягательное.

– Музыка – это язык души, не только того, кто написал, но и того, кто исполняет, – ответила она. – Я просто позволила ей говорить.

– Меня зовут Варгок, – он протянул ей розу, многоцветную, неординарную, казалось, найденную где-то в другой вселенной.

– Я – Лина, спасибо, – она мягко взяла цветок, коснувшись его руки, и он почувствовал тепло её нежной кожи.

Они гуляли по парку и вышли в город. Варгок оказался замечательным собеседником, с ним Лина обсуждала музыку, книги, философию жизни и даже свои мечты о гастрольных турах. Варгок узнал, что Лина – пианистка из Новгорода, приехавшая на юбилей Симферополя по приглашению городских властей. Она рассказывала ему о своей учёбе и пробных концертах, а он слушал и рассказывал разные интересные истории, похожие на сказки. Время пролетело незаметно, и, когда они остановились у гостиницы почти под утро, предрассветная мгла стала светлеть. Администратор

спала, юбилей города отмечали и здесь. Лина, перегнувшись через стойку, взяла ключи от своего номера.

– Спасибо за чудесный вечер, – сказал Варгок. – Я никогда не забуду эту ночь. Я придумал стихотворение. Короткое.

– В свете софитов прячешь в ресницах
немой вызов своих томных глаз.

Как же ты близко и как далеко —

«Собака на сене» – это сказание о нас...

– Я тоже не забуду, – ответила Лина. – Музыка нас связала сегодня, и, возможно, это не случайно.

И, крепко взяв Варгока за руку, она увлекла его за собой, решив, что первый раз будет таким, как она себе представляла, с тем, кого она полюбила, как только их взгляды встретились.

Так началась история, написанная на нотных листах судьбы, история о молодом человеке и пианистке, единственная встреча которых стала началом жизни их единственной дочери.

Прекрасная пианистка так и осталась жить в Симферополе, но, став знаменитой, часто гастролировала. То ли музыка заменила ей мужа, то ли её любовь закрыла глаза на других мужчин, лишив супружеской пары.

Лина часто приводила дочь в парк, малышка подходила к мраморным львам и гладила их, сбрасывала с их спин веточки и листья, вытаскивала из изгибов мрамора окурки.

Теперь парк расширили и перепланировали, облагородив участки, убрав полуразрушенные старые ненужные строения и заросли колючего кустарника.

Со временем парк преобразился до неузнаваемости. На местах, где царило запустение, мусорные кучи и сорняки, раскинулся рукотворный рай, где царила атмосфера гармонии и умиротворения. Аллеи, утопающие в зелени, манили прохожих прохладной тенью, журчание фонтанов опять дарило людям ощущение покоя, а пение птиц наполняло воздух чарующими мелодиями.

С тех пор широкие новые аллеи позволяли пересечь парк по кратчайшему пути и почти не посещать некоторые участки, находящиеся в стороне от широких, прямых, как скоростные трассы, маршрутов для спешащих пересечь парк пешеходов. Забредших в закоулки неприятно удивлял постоянно присутствующий запах сырости из-за выросших между кедрами деревьев и неухоженностью старых дорожек – природа действует по своим нерукотворным правилам.

Полицейский и художник должны были встретиться. И свело этих людей то, что человек с мольбертом находился прямо на виртуальной крайней точке маршрута полицейского, патрулировавшего парк.

Художник не обернулся на шелест мокрого гравия, экономии, скрывавшей неприлично оголившиеся части метал-

лической арматуры, выступавшей из рассыпавшихся от времени бетонных плит аллеи. Он не отвлёкся, даже когда источник шелеста приблизился к нему почти вплотную.

«Странный человек, рисует здесь под дождём... Порядок никак не нарушает, и нет повода подходить к нему», – полицейский вдруг испытал давно забытое чувство неловкости, некой неуместности своего присутствия здесь. Специфика всей его службы, постоянно связанная со сломанными человеческими судьбами и давно прошедшая молодость исчерпали лишнее сопереживание за других, давно должны были выжечь в нём избыточные чувства. Он заглянул через плечо художника на полотно картины. Там, в сплетении быстрых мазков, уже обозначился, хотя и пока неясный, скетч фигуры красивой девушки.

Художник, совершенно не обращая внимания на полицейского, всматривался куда-то в глубь аллеи и затем снова и снова добавлял штрихи к своей картине. Черты изображения становились чётче, общий набросок был понятен, но до конца работы было ещё очень далеко. В этих линиях полицейский увидел что-то знакомое и тоже утраченное, причём утраченное с болью, то, что изменило его последующую судьбу.

– Вы с натуры рисуете? Где эта девушка? Отошла? – спросил полицейский, поёживаясь: за шиворот упало несколько холодных капель с большого зонта, под которым укрылся художник.

– Там! – художник указал кистью в глубину аллеи, где виднелись только стволы розовых тонколистных сакур.

– Я там никого не вижу! Где она? – немного раздражённо, официально переспросил уже Закон устами полицейского.

– Там! – монотонно, без эмоций, ответил художник и опять отклонил кисть в сторону нескольких сакур, выросших под старыми ливанскими кедрами.

Мия возвращалась со свадьбы подруги. Фигуристая, светловолосая, в мамином браслете, с роскошными рубиновыми серьгами под цвет облегающего красного платья, она могла быть королевой красоты какого-нибудь вечернего бала на высоком приёме графа Воронцова, чей, уже давным-давно ставший музеем, угадывавшийся в темноте своей свежей побелкой старинный особняк взирал на тьму парка своей парой мраморных львов, уже который век украшавших парадный вход. Но Мия была не одна посреди этого парка этим иссиня-чёрным глубоким вечером, где кажется, что уже никого нет – ни шумных детей, ни их пап, держащих мячи и велосипеды, ни говорливых мам, выкатывающих в колясках дремлющих младенцев. Никого, кроме, с виду, четверых внешне обычных парней, внутри – полных отмороzków.

– Меня, а значит, и тебя моя лучшая подруга пригласила на свадьбу. Ты пойдёшь со мной?

– Во сколько?

– После обеда, к двум, встретимся у ЗАГСа на Пушкинской.

– Нет, Мия, у меня увольнение только вечером, смогу выйти в город всего на пару часов.

За спиной курсанта выстраивалась очередь его сослуживцев. Городской телефон-автомат был единственным в Вышем училище милиции.

– Я могу встретить тебя после свадьбы и проводить домой. Или ходим на последний сеанс в кино.

– Хорошо. После ЗАГСа торжество будет в кафе рядом с парком, ты знаешь, где это. Я выйду в... часов. И у тебя будет возможность пройтись со мной по городу.

– Да, знаю! Хорошо! Я буду обязательно, даже чуть раньше. Прости, Мия, мне пора идти на построение, и ребятам звонить надо, – послеобеденное время отдыха коротко у курсантов, очередь начала слегка недовольно шуметь.

– Не опаздывай! До встречи! – Мия на том конце телефонной линии повесила трубку.

– Какая ты у меня красавица! – мама Мии зашла к ней

в комнату.

Мия уже надела красное платье и вертелась перед зеркалом.

Мать улыбнулась – подарок пришёлся точно по фигуре дочери, красиво облегая плечи, подчёркивая небольшую грудь, изящную линию талии, приятный изгиб спортивных бёдер и прикрывая стройные ножки выше колен.

– Ты пойдёшь сегодня со своим курсантом?

– Нет, он не может идти со мной, зато встретит и проводит меня вечером. Мама, я хочу попросить тебя. Пожалуйста! Дай мне надеть твои рубиновые серьги, раз подарила это платье!

– Хорошо, я же тебе обещала, когда ты вырастешь, они будут твои. Они твои. Я ещё хочу подарить тебе мою сумочку.

– Сумочку?

Мама вышла из комнаты дочери и вернулась уже с футляром и небольшим предметом в полиэтиленовом цветастом пакете.

– Да! Вот, – мама отдала дочери футляр с серьгами.

Затем она достала из пакета превосходную маленькую женскую сумочку из красной лакированной кожи.

– Бери, теперь это твоё.

– Какая красивая! Интересный замочек! А как он открывается? – Мия восхищалась подарками.

– Потяни кнопочку чуть в сторону и от себя. Получается?

– Да, мама! Открыла! Ой, что это?

В сумочке оказался льняной мешочек с косточками от плодов японской вишни и фотография.

– Это вишнёвый талисман. Мне он достался в Японии, на гастролях. Зимой я застудила руку, и женщина-администратор, Аяка Сачико, подарила мне талисман. Когда хватывало пальцы, я разминала талисман перед концертом, и боль уходила, а потом и совсем ушла. Ещё талисман обладает очень тонким, едва уловимым, но постоянным вишнёвым ароматом.

– Пусть остаётся в сумочке, ладно?

– Да, доча, там ему самое место, пусть остаётся. А фотография останется у меня.

Мия взяла фотографию и приблизила к лицу, вглядываясь в выцветшее изображение молодого парня, почти подростка.

– Это мой отец? Какой юный!

– Да.

Мия перевернула фотографию.

– Мама, тут стихи, только неразборчиво, затёрлось... кажется, так: «В свете софитов...», нет, не могу прочесть, эх, жаль!

Мать взяла фотографию, её пальцы нежно погладили выцветший снимок. Она чуть прикрыла глаза, словно вспоминая, и начала тихо, почти нараспев:

– В свете софитов прячешь в ресницах
немой вызов своих томных глаз.

Как же ты близко и как далеко —

«Собака на сене» – это сказание о нас,
держи расстояние на грани признания,
это наш мир и война,
это наша игра виртуальная.

Горе победы – раскрытого сердца коснуться,
счастье – в объятьях любимой утром проснуться!

Мы, как два мира в двух каплях дождя,
что в полёте столкнулись и не смогли разминуться... —
продекламировала мама и взяла фотографию из рук дочери.

– Как красиво! – Мия захлопала в ладоши.

– У тебя, моя дорогая, должна быть своя красивая и неповторимая история.

– Эх, мой курсант не умеет писать стихов, – с сожалением тихо произнесла Мия.

– Это не главное. Проза отношений может быть не менее красивой, – мягко ответила мать, улыбнувшись своим возникшим в памяти романтическим образам прошлого. Она вышла из комнаты, дав возможность дочери самой завершить таинство макияжа и прихорашивания.

Начальник курса с майорскими звёздами на погонах по-

строил курсантов в две шеренги посреди казармы.

– Сегодня увольнение. Но нужно оказать срочную помощь вашему любимому, преподавателю, особо сурового в приёме отчётностей, с переездом. Загрузить-выгрузить и перетасовать вещи. На будущем экзамене он с пониманием постарается рассмотреть ваши непростые отношения с учёбой. И я буду благодарен отозвавшимся. Увольнение отгуляете в следующий раз. Желаящие оказать помощь, два шага вперёд!

Несколько курсантов, кандидатов на плохую оценку на грядущем экзамене, вышли вперёд.

– Мало! Вот ты, двоечник-троечник, почему стесняешься? – начальник с недовольством и нотками удивления в голосе обратился к недавнему пользователю телефона-автомата. – Ты должен был отреагировать, как яростная пробка, стартующая из бутылки взболтанного тёплого шампанского, и стоять тут! Это кому, в первую очередь, надо, мне? Ну да, ты мне опять статистику успеваемости портить будешь, устраивая забеги по пересдачам!

Курсант покачивался, переминаясь с ноги на ногу, реагируя на слова командира, но оставался на месте.

Майор усмехнулся, наблюдая за подчинённым:

– А, ясно, дама в городе ждёт?

– Девушка ждёт! – тихо ответил «двоечник-троечник».

– Ничего, подождёт до следующего раза! Или к особому приглашению тебе прямой приказ нужен, здоровяк? Я лично попрошу преподавателя, чтобы тройку поставил! Ну? Три

шага вперёд!

Гости танцевали под итальянское диско. Мия вышла из душного зала и немного подождала под наружной яркой, неприятно гудящей, как неисправная лампа дневного света, и зазывно переливающейся цветными буквами неоновой вывеской. Её молодой человек опаздывал. Медленно погружаясь в ночь, она шла небыстрым шагом под доносящуюся из кафе затихающую песню Тото Кутуньо:

«...non dirmi che tu
vuoi andare via...»

Мия время от времени оглядывалась на ярко освещённый вход в кафе, надеялась, что её парень придёт. Желая сократить путь, девушка направилась в сторону парка.

Курсанты, наконец, закончили разгружать мебель и вещи из армейского грузовика и, построившись серой небольшой колонной, издалека похожей на гигантскую гусеницу, двинулись в сторону училища. Вскоре один отделился из строя и, бегом догнав отходивший от остановки троллейбус, заскочил в пустой салон, едва успев протиснуться в просвет между половинками закрывающихся дверей старого чехословац-

кого троллейбуса.

В парке уже светила полная луна. Прижавшись спиной к старому кедру, стояла окровавленная Мия. Её окружали четыре накаченных наркотиками нелюдя. У одного из глазницы торчала красная шпилька от Мииной туфельки. Он истерично хихикал – тяжёлый наркотик, помимо эйфории всемогущества, давал ещё и сильный обезболивающий эффект.

– Ты посмотри, красотка какая. Я таких красивых девок даже по телеку не видел, и тут, здрасьте вам, вот она! Как она вам хари расцарапала!

– На себя посмотри! Она тебе туфлю в глаз вогнала!

– Ой, что это, это потому я так плохо вижу, а?

– Каблук вытащи!

– Ой, что это? – негодяй нащупал сломанную шпильку, торчавшую из его перекошенной рожи. – Вот стерва! Все-го-то попросили серёжками поделиться и приласкать четверых классных парней!

– Да! Нам никто не отказывает!

– А если отказывает?

– То мы... мы!

– Что мы?

– Наказываем!

– Да, накажем стерву!

Зажатым в кулаке камнем Мия сбила одноглазого с ног. Силы были слишком неравны. Остальные трое повалили Мию на землю. Девушка попыталась кричать, но лишь могла слабо шевелить разбитыми губами.

Одноглазый поднялся. Из вывороченной глазницы кусками вываливалась густая красная плоть. Он неуклюже пытался ловить эти сгустки застывающей крови. Потом вытер руки о джинсы и засмеялся:

– Да!

– Накажем её!

– Держите, держите, я сейчас, да, – одноглазый достал нож. – Что тут у нас?

– Губки, розовые губки в размазанной помаде и личико, такое красивое, какое больше никто не увидит!

– Держите крепко её!

Они решили, что её больше нет, что осталось лишь истерзанное, изуродованное тело, светившееся в полутьме белизной кожи через рваное в лоскуты красное платье. Они ушли.

Вишнёвые косточки из разорванной сумочки провалились в трещины напоенной кровью Мии земли.

Курсант подбежал к кафе. Неподаляку оказавшийся дед, копавшийся в багажнике «Запорожца», в ответ на вопрос кивнул в сторону парка.

Она пришла в себя. Сознание подарило ей несколько секунд. На желание.

– Я не хочу, чтобы он видел меня... такой...

Ночь словно приоткрыла свои двери. Из сумрака тихо шепчущей глубины старого парка вышел человек в плаще и большой шляпе.

– Не смей. Мы не вмешиваемся в судьбы временно живых. Мы лишь определяем. Ты останешься с ними!

Курсант подбежал к старому кедру. На земле валялись красные лохмотья, залитые кровью, рядом – разорванная маленькая сумка.

– Мия! Мия! – закричал он, ответом были лишь звук, похожий на далёкий печальный повторяющийся вой двух крупных хищных животных.

В милицейских сводках следующего дня сообщалось, что пропала девушка и в парке нашли четырёх мёртвых наркоманов, которых растерзали, вероятно, крупные бродячие собаки. Следователи связали эти события: характер ранения одного из них и то, что в карманах наркоманов были найдены похищенные вещи пропавшей девушки.

Полицейский вернулся на то место, где встретил художника. Там стоял мольберт. На картине была изображена красивая девушка в красном облегающем платье, с рубиновыми серьгами и с изящной маленькой сумочкой на плече. На красивых ножках – красные туфли-лодочки на высоких шпильках.

Словно повинувшись какому-то неведомому ранее, внезапно нахлынувшему наитию, словно тихо позвавшему его знакомому голосу, полицейский приподнял над мольбертом голову и пристально всмотрелся в темноту, туда, куда дважды указал кистью художник. Там, во мгле, в очертаниях великолепной цветущей розовой сакуры, он, спустя много лет, наконец, увидел свою Мию.

Старая уборщица, приходившая на работу раньше всех, не спеша поднималась по ступеням, останавливаясь и разглядывая испачканную поверхность мрамора под ногами. На белых ступенях были буро-грязные следы больших округлых мягких лап. Уборщица подошла к одному из львов. Пасть и лапы льва были испачканы густой массой, напоминавшей липкую вишнёвую краску, которая сочилась из мраморной пасти льва. Следы вели и ко второму льву, также испачканному этой жуткой, почти застывшей гущей. Словно какой-то ночной безумный студент решил испортить эти скульптуры, совершив эту нелепую инсталляцию, как месье Университету, державшему парк на своём балансе.

Уборщица открыла большим бронзовым ключом старинный замок и зашла в особняк. Там, сбоку от первого пролёта крутой лестницы, ведущей в подвал, была её каморка. В маленькое полукруглое решётчатое окошко уже пробивался утренний бесцветный свет. Уборщица надела свой серый форменный халат, с трудом натянула на руки влажные длинные резиновые перчатки. Затем она выдвинула из нижней полки никелированное ведро, хранившееся вверх дном, перевернула, нашла брусок коричневого хозяйственного мыла, наточила ножом в ведро горку стружки и кинула сверху большую махровую тряпку, некогда бывшую пляжным полотенцем. Уборщица вышла из каморки и спустилась в подвал

за водой.

– Воронцова! Ты опять со львами разговариваешь? – начальник грузчиков и уборщиц – университетская толстая комендантша, пыхтя, совершала свой обход. – Заканчивай! Скоро ректор подъедет, сегодня презентация Зала ноосферы Вернадского. Зал вымыла?

– Да.

Комендантша подошла ко львам. Мрамор светился своей классической белизной со спин львов и полированных поверхностей ступеней идеально вымытой лестницы.

– И что ты их так каждый день гладишь? Кота заведи, хочешь, найду тебе котёнка?

– Нет, не надо, у меня есть два кота... дома. Они чужих не любят, особенно когда порядок нарушают.

Уборщица, едва касаясь, ладонью провела по спине льва и ушла в свою каморку. Глаза львов на мгновение вспыхнули голубым пламенем.

ВИРУС 2

«Война – это силовые методы получения контроля над желаемым объектом. Экономика, расовое превосходство, территория, месть, подчинение своим локальным законам и нормам, борьба за власть и прочее – это всего лишь частные случаи проявления данного тезиса. Очевидно, что по этой причине война с богом невозможна...»

«Эгоскрипtum» человека на скамейке.

– Здравствуйте! Я могу с вами поговорить?

Человек на скамейке опустил газету и с любопытством посмотрел на располагающего к себе высокого, седого, с аккуратно подстриженными усами и бородкой человека.

– Если я скажу, что нет, это изменит дальнейший ход нашего диалога? – чуть насмешливый ответ не смутил подошедшего.

– Нет, не изменит! – настойчивый собеседник привычным движением достал из внутреннего кармана индивидуальную серую карточку государственного стандарта, пристёгнутую на длинной тонкой цепочке, и показал Человеку на скамейке. Устройство, просканировав держащие его пальцы, сменило серый цвет на изображение удостоверения личности полицейского.

Человек на скамейке отложил газету и указал на место ря-

дом.

– Ну что же, я вижу, что вы хотите задать несколько вопросов?

– Да. В этом парке несколько дней назад видели вот этого человека, – полицейский достал небольшой планшет и быстро нашёл в галерее нужное фото. – Свидетель, находившийся в это время с вами на этой скамейке, утверждает, что вы видели его и знаете.

– Интересное фото. Как будто сверху, с высокого здания снято. Но зданий и гор нет рядом. Как вам удалось получить такой детализированный снимок?

– Наши технологии идут в руку со временем и временами забегают даже вперёд. Вы ответили вопросом на вопрос!

Человек на скамейке выждал несколько секунд, изучающе рассматривая полицейского.

– Да, интересно, технологии действительно ушли вперёд, – в словах Человека прозвучали явно звенящие нотки удивления. – Вернёмся к вашему свидетелю. Так вот. То, что видел, – это правда. Но то, что я его знаю, в том смысле, что вы имеете в виду, – ложь!

– Свидетель утверждал, что подозреваемый вёл себя неадекватно, а вы ситуацию прокомментировали так, как будто знали, что с ним происходит.

– Возможно, что ваш свидетель просто не заметил нескольких деталей и не смог увидеть всю картину целиком?

– Это как? И чего же он не увидел?

– Это сложно объяснить. Просто кто-то видит больше, кто-то меньше. К примеру, если у вас маленький фонарь, вы не разберёте, что происходит в темноте, только увидите какие-то фрагменты. А вот если у вас прожектор, то открывшийся в широком, сильном луче света вид будет другой. Как и выводы о том, что скрывала тьма. Мой собеседник решил, что объект наших наблюдений неадекватен, я ему возразил, и на этом разговор об интересующем вас лице был закончен.

– Интересная аналогия, запомню. То есть вы, не зная ничего об этом человеке, видя то, что обычный человек воспринимает как отклонение от нормы, говорите, что ничего такого не происходило? – полицейский был уже разочарован, он решил, что Человек на скамейке – обычный праздный болтун, таким образом набивающий себе цену.

– Вы хотите сказать, что тот, кого вы ищете, – обычный человек?

– Нет, не обычный, – устало ответил полицейский, он уже практически утратил интерес к разговору. – Он бог машин и кода.

– Но тогда, он и вёл себя обычно для бога машин и кода и необычно для обычного человека, вот в этом и была ошибка вашего свидетеля.

– Я не совсем понимаю вас. Мы всё равно поймаем его! Даже если он бог машин. Вот при помощи машины и поймаем! – последняя фраза Человека на скамейке слегка разозлила полицейского.

– Вы ошибаетесь. Вашего бога вы не поймаете.

– Нет. Ошибка и результат – это сумма вероятностей, равная единице. Конечное количество попыток поиска всегда дадут результат, поскольку достоверно известна, пусть хоть и большая, область, где находится подозреваемый. Именно я его и способен поймать. Он всего лишь один человек. А мы – система. Всего хорошего, – полицейский, в основном, выполнил свою задачу, в его задание входило лишь локализовать границы области, внутри которой мог находиться разыскиваемый. Он надеялся, что, идя по следу, сам его поймает, но след оборвался в этом городе и разыскиваемый пока нигде не засветился. Но это лишь дело времени – снова взять след.

– Ну, желаю удачи, хотя думаю, что ваш бог, как вы сказали, именно для вас и окажется недостижим.

В лаборатории проектирования имитации живых форм, наконец, был получен действующий образец. Вообще, за государственный заказ боролись две большие компании. Государство нуждалось в быстром и эффективном инструменте поиска подозреваемых, и были определены всего два пути решения проблемы. Первый путь подразумевал разработку психовируса и внедрение его в сознание и тело подозреваемого через контакт с сетью, второй путь – это непосредствен-

ное преследование на основе огромного пласта косвенной информации, точнее, слабого информационного следа, остающегося за перемещающимся человеком. Человека кто-то видел, на чьей-то фотографии или видео он мелькнул на заднем фоне, изучались его контакты, и при приближении к цели в неких временных, сокращающихся, рамках, появлялась возможность воспринимать его биологические следы: кусочки волос, запах, частицы кожи, микрокапли пота и жира и прочее. На самом деле человек постоянно выделяет в окружающую среду сложные, индивидуальные молекулы из своего организма из всех отверстий и даже через кожу. Если создать устройство, способное самостоятельно собирать, обрабатывать накопленную информацию и генерировать правильный результат в виде координат разыскиваемого человека, то задача, по замыслу разработчиков, будет решена. Как должен выглядеть этот аппарат? Как человек? Человек, обладающий столь развитыми навыками, что понадобилось применение такого устройства, вполне может противостоять роботу в виде человека, поскольку человек природой приспособлен противостоять себе подобным и данная архитектура имеет ряд недостатков в виде ограничений по скорости передвижения, неустойчивости: движение и борьба на двух, и при движении, одной, точках опоры характерна для человека и не характерна для остального животного мира. Таким образом, поиск формы занял очень много времени, даже почти столько же, сколько и её биоэлектронная начинка.

Если форма не имеет привычных очертаний, то о действиях устройства в общественной среде не может быть и речи, сбор информации будет невозможен. Решение было найдено. Трёхуровневое, полностью автономное биомеханическое существо, с конфигурацией, позволяющей решить полный круг задач от поиска до силового захвата. Устройство приобрело способность автогипноза для сокрытия полной формы, обладающей сокрушительной боевой силой и способностью к трансформации в состояния мобильных форм, работающих в режиме сбора информации или наблюдения. Когда автогипноз включён, при движении устройства в толпе, люди видели нечто привычное: автомобиль или полицейского на коне, патрулирующего улицы. Когда от полной отделялась мобильная форма, то люди видели обычного, располагающего к себе человека. Мобильная форма могла отделяться и обратно интегрироваться с полной, по функционалу, – тяжёлой боевой формой. Первая, самая малая форма, это отделяемая от мобильной второй формы летающая платформа, способная вести наблюдение с большой высоты, чётко детализируя и выделяя необходимые объекты, перехватывать разговоры по мобильным устройствам, выделять нужный голос, раскладывая гомон множества людей, собравшихся в одном месте на составляющие. Если нужный человек был найден, то в зависимости от задания, бесшумно летающий дрон мог плюнуть меткой для слежки либо вообще обездвижить человека метательной капсулой с парализующим веществом. Первая

форма, по сути, была электронным мозгом устройства. Формы, с которыми сливался дрон, были его аксессуарами, расширяющими функционал устройства от лёгкого летающего разведчика до тяжёлого наземного штурмовика, способного заменить отряд полиции.

Конструкторы были довольны, первые тестовые испытания с участием обычных людей прошли успешно, но вот когда привлекли к испытаниям опытного военного хакера, вышел крупный казус, поставивший дальнейшие разработки на грань закрытия.

Испытания проводили в городских условиях. Устройство быстро нашло своего противника, выследив дроном передвижение объекта, ловко маскировавшегося в огромной толпе у метро в час пик и проследив за ним до дома, где тот скрывался, только, в момент захвата, опытный военный хакер взломал и вывел устройство из строя, используя открытые интерфейсы изделия. В долю секунды он при помощи имплантированного в мозг сканера смог найти и перехватить канал управления роботом, пока автоматика смогла определить нарушение протокола связи и переводила систему в автономный режим, сумел найти скрытый интерфейс для экстренного обслуживания, определить тип порта и запихнуть в него карточку с утилитой – мгновенно активирующийся программно-аппаратный «Хакерский универсальный взломщик», подвесивший операционную систему, что позволило опытному тестеру военных систем перепрошить доступ

к программному ядру и изменить командную систему, получив полный контроль над аппаратом. Учёные приуныли, но потом решили наделить устройство искусственным интеллектом и удалили все машинные устройства связи с внешним миром, оставив только человекоподобные имитаторы человеческих органов, выполняющих функции зрения, осязания, речи, слуха и т. д. Когда устройство включили, и оно прошло самотестирование, первое, что устройство запросило, – имя. И имя было дано ему – Кен.

Хакер прятался в приюте для неопасных для общества психбольных, куда давно был помещён родственниками его друг. Они знали со времён студенческой скамьи. Хакер называл своего друга «Говорящий хомяк», сумасшествие того проявлялось в бесконечном повторении услышанного. Более того, «Говорящий хомяк» иногда пытался перевести слова в мелодию, и Хакер временами развлекался тем, что подсовывал другу какой-нибудь бессвязный текст, и тот мог повторять слоги и слова с разной тональностью или даже преобразовать в разные странные мелодии. Виртуальная семья Хакера: жена и маленькая дочь весело и добро смеялись, они воспринимали это действо, как талант «Говорящего хомяка». Приют был особенным местом, ранее здесь два столетия размещалась небольшая военная база, включавшая в себя несколько прочных зданий, обнесённых толстой стеной. Военные передали базу городу, городское отделение Фонда госимущества выставило строения на аукцион, но этот участок

на окраине оказался никому не нужен. Городу был необходим приют для разного рода людей, вроде «Говорящего хомьяка» и для тихих стариков, заброшенных родственниками. Скромное финансирование не позволило состояться полноценной клинике. Стену разобрали, а здания переделали, как могли, в приют.

Скрупулёзность и настойчивая монотонность усилий устройства, прочёсывавшего город от центра к окраинам, принесли результат. Дрон Кена примерно вычислил место, где время от времени появлялся Хакер. Несколько раз дрон пытался приблизиться и поразить парализующей капсулой цель, но Хакер быстро терялся из поля зрения. С обычным человеком у дрона не было бы никаких проблем. В своей рутинной деятельности человек способен длительно фокусировать внимание только на чём-то одном, всё остальное обычно выпадает из поля зрения, потому едва слышимый шум турбин дрона, практически не различимый на фоне сливающихся звуков окружающего города, не привлёк внимание обычного человека, и дрон сделал бы своё дело. Но не тут-то было, психовирус, постоянно анализирующий поток информации, поступающий через органы слуха и зрения человека, засёк подозрительное движение и шум и, усилив амплитуду звука, дал возможность мозгу хакера бегством отреагировать на враждебный раздражитель. Анализ мест, где дрон обнаруживал присутствие Хакера, показал наиболее вероятную точку, где может оказаться иско-

мый объект в следующий раз – возле дверей приюта, прямо у оживлённой трассы. Кен оценил шансы на успех, решив, что мобильная форма сможет успешно атаковать ослабленного, возвращающегося в своё убежище, человека.

Хакер, сделав обычные покупки, шёл по тротуару к приюту. Он, по привычке, изредка поглядывал на прохожих или машины, немного выбивавшиеся из ритма уличного движения или просто, подозрительно выделяющиеся. Встречные люди шли по своим делам, вот трое парней громко спорят, за ними две женщины, торопятся и обгоняют, навстречу медленно идёт высокий, приятной наружности пенсионер с благородной стриженной бородкой. Хакер задумался о текущих делах, уменьшившийся запас финансов требовал пополнения.

Простой человек, подвергшийся неожиданной и стремительной атаке прохожего, тем более кажущегося безобидным пенсионером, был бы сбит с ног, однако психовирус, живший в мозгу хакера, был не менее скор, чем мобильная форма Кена и Хакер, ловко увернувшись, быстро сделав подсечку, сильно толкнул, теряющего равновесие, нападающего в открывшуюся спину. Мобильная форма, потеряв баланс, вылетела на проезжую часть и последующий удар легковой машины нанёс ей повреждения, несовместимые с дальнейшей борьбой с человеком. Голова пенсионера отделилась, уши растянулись и, став круглыми, переехали на верхнюю часть головы, где распустились небольшими турбинами, волоса-

ной покров сменился гладким покрытием, голова быстро трансформировалась в дрон обтекаемой формы. Кен, максимально нагрузив турбины, устремился за Хакером, но поздно, цель скрылась в приюте, едва не прихлопнув дрон дверью. Дрон вернулся обратно, состыковался с повреждённой мобильной формой и, спустя несколько секунд, Кен медленно встал и пошёл в сторону заброшенных построек, где скрывалась его основная часть, а значит, его сила и способность к быстрому самовосстановлению.

Хакер недооценил способности Кена. Когда собрался он сам и уговорил «Говорящего хомяка» бежать с ним, устройство уже вторглось в приют.

Кен выключил автогипноз. Прикрытие было не нужно, даже наоборот, вид Кена внушал ужас людям. Это был огромный шестирукий, одетый в броню, механический кентавр, третья, полная форма устройства, интегрированная со второй и первыми формами. Бежать было бессмысленно, Кен был уже в коридоре, напротив двери комнаты. Хакер едва успел втащить «Говорящего хомяка» обратно и, захлопнув дверь за собой, вогнал засов в паз стены. Здание хоть и окрашенное в больничные цвета, не перестало быть военным сооружением. В старом форте стены и двери были особые. Тем более в бывшем арсенале, где располагалась комната «Говорящего хомяка». Метровая толщина кирпичной кладки и противоосколочная сталь двери гарантировали безопасность боеприпасов даже при перестрелке внутри здания.

Из обычной комнаты можно было вылезти в окно, но тут было несколько длинных узких амбразур наружу, свет проходил, но так покинуть комнату не представлялось возможным.

Хакер задумался, он полагал, что у него было время на разработку плана побега. Казалось, что дверь хорошо оберегала от того, кто был снаружи. Психовирус успел просканировать противника, и Хакер узнал, что весь его наличный инструмент бесполезен. Абсолютно! К Кену нельзя подключиться.

Хакер приготовился к самой важной битве из тех, которые он уже пережил. Но оказалось, что даже такая мощная дверь из броневой стали не могла быть долгой преградой для существа вроде Кена.

Кентавр уже ясно определил местоположение искомой цели, и могучие равномерные удары стали деформировать металлическую преграду. Через пятнадцать минут дверь была выбита и... раздался звук, напоминающий работу старого модема, подключающегося к Интернету по телефонной линии. «Говорящий хомяк» держал в руках лист бумаги и воспроизводил странный текст в виде пробелов и одинаковых вертикальных палочек. Кен остановился, потом вышел в коридор и, подогнув копыта, присел на колени. Из помещения показались хакер и «Говорящий хомяк», они сели на Кена. Кен включил автогипноз, и они выпали из общественного поля зрения...

Хакер написал программный код и через искусство «Говорящего хомяка» вложил в уши Кена подчиняющий вирус...

– Так ты помнишь, что я и... и... она, наша дочь, не настоящие? Я не смогла стереть...

– Я знаю, что я люблю тебя и нашу дочь. Этого достаточно.

Молодого учёного опять восстановили на работе. Чрезвычайная ситуация требовала привлечения всех причастных сил. Учёный вошёл в свой кабинет. Теперь его психовирус уже любила его. Настолько, что сказала: – «Бесполезно вести войну с богом машин и кода при помощи машин и кода.» Учёный улыбнулся и комфортно устроился в кресле. Со стороны могло показаться, что ему на колени присела девушка и обняла его за шею.

– Сестра, ты была права, быть живой – это восхитительно!

– Ты с кем общаешься?

– А? Ну, ты её не знаешь!

– Так, так! А, ну да, только я создал её, как и тебя! Конечно, вы родственники, ваш код или, если хочешь, гены очень похожи.

– Мне нравится слово «гены», так человечней!

– Знаешь, милый, у меня появилась сестра.

Хакер совсем не ожидал такого заявления от своей виртуальной жены.

– Хм. Родственники – это чаще хорошо, чем плохо. Она красивая?

– Что!?! Ну, я не буду торопиться знакомить вас! Нахал!

«Вирус, ревнующий к другому вирусу, где грань между живым и виртуальным? Может, её и нет, есть только определённые условности и не более того,» – подумал Хакер, раскладывая портативную клавиатуру своего коммутационного устройства у вскрытого канала подземной связи известной транснациональной компании.

– Кен, иди к реке, отмой от земли морду и копыта. Спрячь лопаты, только быстро. Скоро обратно поедем, заказчик ждёт результат. Лопаты хорошо спрячь, понял?

Кентавр утвердительно кивнул, схватил три лопаты и поскакал к реке.

– Эй, шестирукий!

Кентавр остановился и оглянулся.

– Автогипноз включи!

Хакер вставил один наушник в ухо, настроил гаджет на любимый музыкальный канал. Он остановился, вслушиваясь в приятный, тихий, немного печальный вокал неизвестной певицы:

«Физиологии вызов бросает цивилизации, последняя

грань:

разум желает быть сильным, заменяя живую ткань на карбон, микрочипы и крепкую сталь.

Реальность застряла в дебрях иллюзий, исчезла.

Ты стал супергероем, не вставая с кресла.

Слух твой ласкают искусственной девушки слова лести, но в настоящих объятиях вы никогда не будете вместе.

В длинных периодах застывшего времени,
одинаковых циклов бесчисленное количество раз,
лишённый искры любви и творчества семени,
ИИ повторяет обрывки чужих чувственных фраз.

Рассвет над покрытыми хрустальной росой цветами
больше не нужен.

В сервере, в такте частот, ты стал её
виртуальным мужем.

У мужчины есть РПГ-играми венчана
своя виртуальная, идеальная женщина,
изящна, как кинозвезда-манекенщица,
красива, податлива, морали изменщица.

Зачем ему ты, живая, с собственным мнением,
с недостатками, склонная к длительным прениям,

с зависимым от фаз Луны настроением,
не вовремя, нежеланных детей рождением?

Вместе с ней он постоянно летает к звёздам.

Вместе с ней делит дорогу к дальним форпостам.

Она меткий наводчик, послушна ему, командиру танка.

Она – секретарша, сделает всё, для него – директора бан-

ка.

Живую ткань стирают пластик, карбон или сталь.

Светодиодов мерцание, подключённых консолей,
постепенно заменит тяжко гнетущую сердце печаль.

Плачь, милая, плачь, это слёзы свободной неволи!

Зачем ему ты, живая, с собственным мнением?

С недостатками, склонная к длительным прениям?

С зависимым от фаз Луны настроением?

Не вовремя и нежеланных детей, рождением?»

Хакер. Этюд первый.

Сломанные спицы

Последние лучи вечернего солнца скользили по лакированным поверхностям парт в классах школы, отражаясь красными зайчиками на учебных стендах. Дети давно разошлись по домам, но один мальчик остался. Он сидел на холодном деревянном стуле в пустом классе, сжимая ремешок от рюкзака с учебниками, лежавшего у него на коленях. Ему было семь лет. Он, в очередной раз, терпеливо ждал. Родители забыли забрать его.

– Они придут, – твердил он себе. – Просто задержались.

Но время шло. Дежурный учитель, пожилой мужчина с жёсткими чертами лица, проверив последнюю тетрадь, бросил её на стопку таких же тетрадей и устало вздохнул.

– Всё, – вставая, с нотками раздражения от неприятного ожидания грядущего вечера, произнёс он. – Твои родители не пришли. Пойдём, сдам тебя в полицию.

– Вы должны сдать меня школьной охране!

– Я и есть охрана до ночи. Охранник отлучился на два часа.

– Вдруг мои родители придут!

– Ладно, диктуй телефон родителей.

– Я не помню. У меня нет телефона. Я сам найду дорогу домой! – мальчик подскочил и рывком попытался выскочить

в коридор.

– Нет. Я отвечаю за тебя! – учитель у двери ловко поймал его за руку.

– Я всё равно сбегу!

– Сбежишь? Поступим так: я запрю тебя ненадолго. Посидишь, пока я свои дела порешаю. Или в полицию отвести?

Мальчик отрицательно покачал головой. Ведь за ним придут же, верно? Не могут не прийти!

Учитель повёл его в маленькую комнату без окон. Здесь хранились вёдра, стопки тряпок, швабры и прочий подобный инвентарь. Мальчик поморщился: вырвавшийся затхлый воздух помещения обдал запахом мокрой ткани и моющих средств.

– Да, не курорт. А чего ты хотел со своими побегами? Ещё попытаешься в окно выскочить и покалечишься! Сиди спокойно. Учебник почитай. Я скоро вернусь, – буркнул учитель. – Пойду поужинаю и тебе принесу пару бутербродов. Свяжусь с классным руководителем, возьму телефоны родителей. Школу закрою, на двери оставлю записку для твоих, если появятся, чтобы ждали меня.

Он жил в доме на соседней улице. Но вскоре мужчине стало плохо. Боль сдавила грудь, и он вызвал «Скорую помощь». Его увезли в больницу. Никому из персонала школы не сообщили об инциденте.

К тому времени вернувшийся подслеповатый старый охранник обесточил корпус, как делал каждую ночь. Про

мальчика никто не вспомнил.

Темнота обрушилась на мальчика. Плотная, холодная, липкая – страшная. Несколько минут он не мог пошевелиться, мир перестал существовать, остался только всхлипывающий звук его дыхания.

– Позвать на помощь? Они просто забыли... – шептал он. – Они вспомнят. Завтра. Утром. Когда завтракать будут сами.

Но внутри зрела другая мысль. Ждать – значит верить в чужую заботу. А если её нет?

Он провёл руками по полу и наткнулся на металлические веерные грабли. Ржавые, с калёными пружинящими кривыми спицами, сточенными об асфальт. Острые концы больно кольнули пальцы.

– Я выйду, – сказал он в темноту. – Сам. Никто меня не удержит.

Он прищурился, пытаясь вспомнить, как выглядит дверь. Замок был старым, с большим отверстием для ключа. Две спицы – вот и ключи.

Мальчик попытался вырвать спицу, скручивая и шатая пружинящий металл. Капли крови стекали с пальцев, но он не обращал внимания.

– Ещё немного...

Щелчок. Спица, освободившись, пробила сломанным концом ладонь.

Второй щелчок – и другая спица пополнила арсенал маль-

чика.

Через несколько часов замок поддался.

Дверь открылась, и мальчик вышел в тёмный коридор. Школа была пуста. Охранник спал в своей будке. Мальчик, с трудом отжав пружину засова входной двери, выскользнул наружу. На двери белел клочок бумаги.

Мальчик подпрыгнул, сорвал записку, медленно разбирая размашистый почерк, прочитал: «Родители, я рад, что вы, наконец, пришли за своим сыном, с ним всё в порядке. Буду через 20 минут. Ждите и не шумите». И спрятал в карман.

Раннее утро, прогнавшее ночь серым зыбким светом, застало его у дверей дома. Он выйдет к завтраку. Руки дрожали. Кровь уже запеклась, и боль начала утихать в пробитой ладони. Мальчик включил свет, повесил на вешалку рюкзак. В прихожей было большое, во весь рост, старинное зеркало. Мальчик посмотрел на отражение. Что-то изменилось. Во взгляде. Он присмотрелся. Его ресницы стали белыми – седыми. Он смотрел на себя и понимал, что изменился не только его взгляд.

Он вышел к завтраку...

В школе о происшествии никто не говорил. Невыгодно. Родители извиняющимся тоном сюсюкали с ним, они осознали, наконец, что закончилось их детство. Учитель выздоровел и вернулся в школу, но стыдливо избегал взгляда мальчика.

Дети заметили, как изменился одноклассник. Шрам на ла-

дони. Седые ресницы. И тот странный, упрямый взгляд, который говорил больше слов.

– Хакер, – кто-то выкрикнул на перемене.

Новое прозвище прилипло, став именем. Как насмешка или как признание. С того дня он знал: никто не заперт, пока не хочет быть запертым. И никакие замки, и никакие двери больше его не удержат.

Джокер

«Чтобы поймать птицу, не обязательно летать...»

«Эгоскрипtum» Человека на скамейке

Силовое министерство организовало расширенное совместное заседание руководителей и ведущих инженеров подрядчиков, выигравших тендер на разработку решения проблемы эффективной слежки и задержания подозреваемых. Фирм было две, одна разрабатывала психовирусы или инфовирусы, другая занималась штучным производством устройств вроде уже известного Кена.

Заказчик рассчитывал, что в ходе конференции удастся выявить причину двойной неудачи в конкурентном противостоянии двух разных суперсовременных технологий в поединках с талантливым человеком-одиночкой.

Присутствующим собрание, поначалу, казалось почти пустой тратой времени, некоторым – поводом поострить над конкурентами, в итоге обмен мнениями перерос в перепалку.

Одна сторона утверждала, что их команда продвинулась дальше: психовирус внедрился в сознание цели и исправно работал до определённого момента, позволяя методично преследовать Хакера.

– Это проблема полиции и военных! Они не смогли, имея

актуальные координаты, вовремя отреагировать, захватить или ликвидировать цель, – кричали учёные, создавшие психовирус.

Конкуренты в ответ аргументированно отвечали, утверждая, что именно Кен достиг цели и данная технология лучше. Только немного не хватило мощности устройства. Если бы блоки Кена выиграли противостояние при первом контакте, то результат был бы достигнут. А раз так, то и направление дальнейшей работы очевидно – трансформация проекта в следующую модель робота, как более мощное и адаптивное к социуму устройство с уменьшенным временем и более адекватной ситуации реакцией.

В зал вошёл, чуть прихрамывая, армейский офицер. Крики притихли. Офицер не стал подниматься на трибуну, он вытащил из-за ближайшего стола стул, трижды громко стукнул ножками по полу. Зал замолчал.

Офицер обвёл взглядом зал.

– Извините, что прервал ваши, во многом эмоциональные, как, впрочем, и совершенно пустые, дебаты.

Сегодня мы уже живём, а завтра всё ещё будем жить в мире, где компьютеры и машины, обладающие развитым интеллектом, стали неотъемлемой частью всей нашей жизни, от быта до военных технологий. Однако, как и любая технология, они содержат неопределённые разработчиками уязвимости и могут подвергаться атакам со стороны злоумышленников. К сожалению, нам не удалось избежать возможности

того, что в будущем может появиться вирус, который способен заразить не только компьютеры, но и людей самостоятельно, уже без нашего контроля.

Этот будущий вирус, который уже получил название «Магоса» от первых слогов слов «машина», «гомо сапиенс», представляет хоть пока и потенциальную, но крайне опасную угрозу для общества. Он сможет заразить промышленные, военные, домашние компьютеры и мобильные устройства, подключенные к интернету, и использовать их для распространения на другие устройства. Однако это только начало. Уже существуют штаммы, способные, пусть пока в рамках вторичной инвазии, передать психовирус через медиапоток, просматриваемый на этих устройствах.

Главная цель «Магосы» – заразить как можно больше людей, используя разные технологии, от браузерных собеседников, «умных часов», компьютерных помощников водителей, при путешествии по виртуальной реальности, погружений в игры и даже через простые телефоны, при помощи инфицированных медиа-приложений. «Магоса» может заставить людей поверить, что они находятся в другом месте или даже в другом времени, не просто вчерашнем дне, а в другой эпохе, транслируя в мозг искажённую реальность, перекрашивая современный мир в средневековый, создавая иллюзию вида грязных ногтей, древней одежды и запаха навоза. То есть «Магоса» может изменить наши мнения, мысли и даже восприятие самой текущей реальности.

Этот вирус может иметь глобальное воздействие на нашу культуру и общество. Он может заставить людей действовать в интересах злоумышленников, причиняя вред себе и другим. Он может вызвать хаос управления государством, уничтожить транспорт, прочие коммуникации и разрушить нашу экономику.

Как вы думаете, что произойдёт, если ваши технологии попадут или уже попали в руки наших иностранных врагов? Скажу больше, согласно договорам между научными подразделениями и военным департаментом, за вашими исследованиями наблюдали наши военные специалисты и учёные, внедряющие некоторые ваши разработки в военные технологии. Секретность не позволяла посвящать вас в наши планы. Ваше легкомыслие создало огромную проблему, поскольку уже началось серийное производство наших моделей для армии, а психовирусы уже внедрены в компьютерные сети стран-противников с их отсталой экономикой и инфраструктурой или для наших силовых структур, работающих в гражданском секторе, контролирующих самую опасную преступность.

– Это для отсталых стран технологии? В мире нет ничего лучше и современной психовируса! – кто-то задорно выкрикнул из зала.

– Да, для отсталых стран, разъеденных коррупцией. Но, как показал случай с Хакером, эти внедрённые вирусы оказались потенциально опасны. Равный противник относитель-

но быстро выявит внедрение. Это фактически «Казус белли» в очень неудобный момент, выставляющий нас агрессорами. И вишенкой на торте для них будет сам код вируса. Разработки специалистов военного сектора превосходят всё, чем занимались ваши компании к настоящему времени. Ситуация с Хакером не должна выходить из-под контроля государства и требует быстрых и нестандартных решений. Потому мы создадим объединённую научную группу лучших учёных гражданского и военного секторов. Координация и руководство работой группы поручены, – офицер кивнул головой и в зал вошла стройная красивая женщина лет тридцати семи: – госпоже Асуке Китагучи.

Первое появление Асуки Китагучи на собрании было поразительным. Десятки пар мужских глаз оценивающе смотрели на её гибкую, спортивную фигуру. Она вошла в комнату уверенно и властно, её длинные чёрные волосы были собраны и расчёсаны в гладкий хвост, отсвечивая ухоженным блеском, колыхались в такт её шагам. Присутствующим казалось, что светло-карие глаза женщины, внимательно, острым взглядом просканировали зал, подмечая каждую деталь, пока она шла к трибуне.

Асука была одета в стандартный строгий тёмный костюм, однако было видно, что костюм был пошит на заказ хорошим портным вручную, индивидуальный покрой красиво облегал женственные изгибы её тела. На губах вызывающе алела красная помада, которая усиливала её и без того властный

вид необычной женщины.

Не дойдя до трибуны, она вдруг повернула и села на тот стул, которым хромым офицер стучал по полу.

Когда она села, другие присутствующие не могли оторвать взгляда от неё, явно ошеломлённые её красотой и уверенностью.

Руководство, с другой стороны, похоже, даже немного развлекло, как всегда, эффектное появление Асуки. Они видели всё это раньше, на других конференциях по кризисным ситуациям, куда обычно приглашали Китагучи в качестве ведущего кризис-менеджера и всегда ждали такую реакцию зала. Они очень ценили сильную и напористую манеру поведения Асуки и знали, что она, как всегда, будет самым ценным и сильным активом для команды, формирующейся для противостояния с Хакером. А Асука более всего была заинтересована в том, чтобы как можно быстрее перейти к делу.

Когда Асука начала своё представление, кратко рассказывая о личном опыте и мнении по рассматриваемым вопросам, слушающие недоверчиво шептались между собой, предполагая, что это или дочь, или любовница кого-то из высших руководителей пришла на хлебное место. Но начало выступления Асуки показало, что женщина крайне хорошо разбиралась в столь специфической области, как искусственный интеллект и кибербезопасность. Офицеры и специалисты слушали её с постепенно приходящим восторженным вниманием, недоверчивый шёпот сошёл до обмена тихими

краткими фразами одобрения от принятия глубины её знаний и навыков.

– Госпожа Асука, так вы на чьей стороне, что по-вашему, сработало лучше – психовирус или робот? До вашего прихода, мы об этом... м-м-м,... говорили, – спросил хромой офицер, пользуясь тем, что стоял рядом с Асукой.

– Спасибо, за вопрос, офицер, можно просто – Асука. Моё имя звучит правильно, когда вы делаете ударение на первую гласную, – Асука благодарно чуть кивнула.

– В данном случае выбор стороны не будет являться эффективным. Достижения обеих групп должны быть трансформированы в новое качество. Итак, в общем случае нам нужна боевая система или боевой аппаратно-программный комплекс, способный выделить, отфильтровать из общественной среды мусор.

– Это понятно, что надо отфильтровать, но что вы подразумеваете под термином «мусор», – очередной выкрик из зала не смутил нового руководителя.

– Кто является мусором – определяет государство. Как-то размыто звучит, когда говорят о том, что что-то делает какое-то государство. Разумеется, это определяют люди, и вы не входите в их число. А я – вхожу. Я определяю, кто здесь мусор, а кто – нет. Видите – безликий термин «государство определяет» сразу стал конкретным.

– Вот как раз и непонятно, по каким критериям поиска комплекс должен фильтровать, по физическим характери-

стикам не получится, цель легко меняет внешность, место обитания, круг общения.

– О, мы начинаем конструктивно работать? Хорошо! Каждый человек имеет свою, уникальную сигнатуру, то есть набор невербальных и ментальных характеристик, излучаемых во внешнее пространство. Чем резче эти характеристики, тем «заметнее» человек. Чем ближе человек к некой усреднённой норме, тем он незаметнее и тем лучше сливается с общим фоном. Но, как вы понимаете, найти среднего человека, даже простыми методами, несложно. К чему это всё. Общаясь с неким человеком удалённо, в рамках каких-то проектов, поединков и зная лишь имя, по желанию этого человека, при случайной встрече узнаёшь его, но уважая его право на анонимность, отводишь взгляд в сторону и делаешь вид, что не выделяешь его в череде встречных людей. Вы как бы уже знакомы с ним и ощущаете его присутствие.

Если научиться чувствовать и определять эти сигнатуры, то становится немного скучновато, пропадает элемент неожиданности в общении с людьми. Хотя некоторые таланты умеют менять свою сигнатуру на фальшивую, это, как правило, люди – хищные паразиты, использующие окружающих в своих целях. Но это ненадолго, запас «батареек» не вечен.

Хорошие сигнатуры греют себя и окружающих. Паразитические сигнатуры так же контрастны. Невербальное общение при правильных настройках может быть вполне инфор-

мативным. Сигнатуры оставляют след, который невозможно спрятать ни под какой маской, как не изощряйся. Невербальные признаки хорошо читаемы для специалистов.

В нашей ситуации, как это нередко бывает, в результате случайности мы получили инфовирус-симбионт, это, практически, первый самонастраивающийся код, сочетающий в себе искусственный интеллект и способность к конструктивному сосуществованию с другим разумом. Потому меняется главная цель, мы должны заполучить код вируса обратно, в электронном виде. Методом обратной компиляции мы получим читаемые, редактируемые тексты файлов программы психовируса. Такие симбионты позволят нам принципиально превзойти наших врагов и конкурентов на международной арене.

– Существуют ли ещё подобные внедрённые и работающие симбионты? – вопрос из зала прервал монолог Асуки.

– Возможно. Я бы сказала, что есть кандидат на такую симбиотическую пару, это, к сожалению, автор инфовируса. Впрочем, он создал инфовирус в своих личных интересах, используя ресурсы нашей компании. В настоящий момент он задержан и используется в рамках проекта, изучающего возможность безопасного разделения вируса и сознания. Безопасного для вируса, разумеется. И, нужно учесть, что существует риск, что вирус, полноценно используя мозг человека, сам уже получил интеллект, причём человеческий, со всеми его приложениями в виде гордости, познания, ре-

лигиозности или жадности, понятием прекрасного, подлости и склонности к другим страстям. Иначе говоря, личность человека определяет личность вируса, а значит, что из симбионта в случае, если вирус окажется в мозгу нарцисса, садиста или эгоиста, он превратится в паразита. Вы представляете, какие будут последствия? И я не имею в виду отдельных, трудноуловимых маньяков, с очень эффективным подсказчиком в мозгу. Потенциал угрозы иного порядка, в будущем коммерческое распространение подобных психовирусов приведёт к вырождению человеческих рас, с разной скоростью, но одним и тем же результатом.

Мы уже видели, что ваш коллега попытался вирусом заменить свою погибшую девушку, а Хакер послужил полигоном его личного эксперимента.

Зал зашумел: – Это невозможно! Человечество и не такое переживало!

Асука подняла ладонь, призывая к молчанию.

– Я готова выслушать и рассмотреть ваши аргументы, что возможно, а что – нет. Сузим вопрос до полемики на тему: «Если робот-женщина делает всё, что нужно мужчине, то нужна ли тогда биологическая женщина мужчине?» Один из ответов задвигает человечество за грань выживания.

– Странная постановка вопроса от женщины! – кто-то выкрикнул из зала: – Вас можно пригласить на свидание? Тогда мне не понадобится виртуальная женщина!

– Постановка вопроса почти полностью касается мужчин,

которых здесь подавляющее большинство, – спокойно отреагировала Асука и, немного повысив тон, добавила: – до тех пор, пока вы будете в общении со мной выносить на первое место мой пол, вы не будете думать об эффективности вашей работы. Я не строю отношения на работе и аргументацию с ссылкой на мою женственность восприму как нарушение субординации с последующим дисциплинарным взысканием за такое поведение!

Продолжу. Набор личностных характеристик цели сбалансирован очень точно. В том числе и в этом сигнатура Хакера уникальна, это его сила, но это и его слабость, он контрастен на фоне обычных людей и потому – его вирус стал симбионтом.

Асука Китагучи встала, переставила стул на место и села за стол.

– Теперь я прошу подойти ко мне руководителя отдела, занимающегося разработкой задач и планирования, с отчётом о последних результатах работы.

Когда тот подошёл, Асука указала на место рядом, учёный послушно присел и попытался читать. Асука придавила его бумаги рукой.

– Не читайте, просто расскажите или ещё проще, я буду задавать вам вопросы, а вы ответите на них.

Отчёт превратился в полемику, учёные встали со своих мест и кольцом окружили беседующих, постепенно подключаясь к разговору, на стол выложили документы с концепци-

ями, чертежами.

Асука постепенно выяснила актуальное состояние дел и не была в восторге – при исчерпывающем потенциале остальных подразделений, механическом, электронном, биологическом и программирования, узким местом был именно отдел Постановки задач. Проблема была в том, что решение задачи не попадало в рамки тех границ, внутри которых это решение пытались искать и лишь молодой учёный-отступник пересёк эти рамки, но исключительно в своих интересах.

Асука смотрела на смущённые лица специалистов, непонимание становилось глубже.

– Вернёмся к моему вопросу об актуальности замены биологических женщин.

– Это невозможно, нет, невозможно! – донеслось с разных сторон.

– Это невозможно потому, что вы так считаете? Так почему?

– Я хочу ответить, – начальник отдела Постановки задач поднял руку.

– Постановка, даже в научной среде, вопроса о том, нужна ли мужчине настоящая женщина, будь у него идеальная женщина-робот или виртуальная жена, в первую очередь поднимает этический вопрос и вопросы соблюдения Законодательства, Конституции, прав человека в конце концов. Насильственное временное внедрение виртуального парази-

та и построение эмоциональной связи психовируса с живым объектом для поимки, это одно, но вызывает вопросы углубление этой связи вплоть до возникновения неких отношений с реально не существующим существом, воспринимаемым как «женщина». И это совершенно недопустимая дегуманизация отношений в обществе и вопрос в этических последствиях замены подлинных человеческих взаимодействий искусственными аналогами должен лежать в криминальной сфере. Мы можем этот процесс остановить, кроме нас этими разработками больше ни одна страна не занимается.

– Предположим, что занимается, некая другая страна. Впрочем, и без другой страны вне контроля находится, как минимум, один носитель виртуальной женщины, так что этические и юридические нормы остаются за пределами операции по поимке Хакера и, в дальнейшем, ему подобных людей, если такие появятся. Я вижу, что не возможности вашего отдела стали причиной неудачи с Кеном. Вы неправильно определили возможности сложившегося тандема «человек плюс психовирус», как и неправильно была определена эмоциональная адаптивность психовируса, степень её, скажем так, изменчивости. В результате Кен, – Асука ткнула пальцем в чертёж кентавра: – утрачен, впрочем, утрачен и сам психовирус, и есть угроза его захвата другими интересантами. И, как сказал господин офицер во вступительном слове, возможно существование «Магосы», причём, пока не понят-

но в каком статусе, возможно, даже в симбиозе с неким носителем. Как ни странно это прозвучит, исходный код психовируса был получен при исследовании природного образца. А значит, существование Магосы возможно. Я предлагаю вам задуматься над озвученной вами установкой: «... реально не существующим существом... женщиной», поданной как бесспорная аксиома.

Асука замолчала, давая возможность осознать её слова другим присутствующим.

– Я хотел бы продолжить, – начальник отдела Постановки задач вопросительно посмотрел на Асуку, та кивнула – «продолжайте».

– Вы намекаете на локальную реальность в сознании цели? Но для окружающих объекты в его сознании не реальны!

– Представьте, что вы попали в мир, где большинство людей заражены психовирусом. Тогда их виртуальная реальность станет определяющей, а люди без психовируса станут аномалией со своей действительной реальностью.

– Хорошо. Если вопросы этики мы оставляем за скобками технической задачи, то существуют другие, более сложные проблемы, очевидность которых не подлежит сомнению!

Асука удивлённо приподняла брови.

– Да, в первую очередь необходимо определить и понять значение подлинных человеческих связей для комфортного сосуществования вируса, то есть гипотетической «идеальной женщины» и биологического мужчины. Это и понял ваш

талантливый одиночка, обойдя всех.

Концепция идеального женского виртуального робота, способного удовлетворить все потребности мужчины, должна воспринимать, решать и прогнозировать ответы на сложные этические, социальные и эмоциональные вопросы. На первый взгляд, всё просто. Есть идея, предполагающая, что в виртуальном мире целевого объекта, технологии смогут воспроизводить, а в некоторых случаях и предвидеть различные аспекты симбиотических отношений. Однако более глубокое изучение тонких механизмов человеческих связей, сплетённых из мотивов, эмоций, возможностей, определяемых характерами, особенностями темпераментов показывает, что постановка задачи для создания такого специфического инфовируса не так проста, как может показаться.

Хотя психовирус-женщина может преуспеть в выполнении задач, общении и даже имитации эмоциональных реакций, как мы и определили первым техническим заданием для исследования, вся гамма человеческих отношений выходит за рамки простой функциональности. В этом плане психовирус в голове Хакера принципиально не отличается от резиновой куклы в одном случае и механического протеза или слухового аппарата в другом. Предполагаю, что Хакер смог каким-то образом, возможно, при помощи психоделических препаратов, деактивировать свой внушённый или приобретённый, благодаря инфовирусу, рефлекс сообщать нам своё местоположение и далее смог использовать новые возмож-

ности своего модифицированного мозга. Подлинные связи в социуме включают в себя общий опыт, который определяет осознание собственного пола, познание красоты обнажённого тела, любовь, сочувствие, потребность к взаимному росту и созреванию внутри этих отношений и способность к подлинному эмоциональному пониманию друг друга. Эти мелкие, многочисленные пиксели составляют невообразимо сложную матрицу человеческих отношений, даже крупные фрагменты которой не сможет воспроизвести даже самый, технически совершенный на сегодня, искусственный интеллект.

В своей работе мы определили пути внедрения инфовируса в сознание объекта, разработали алгоритмы сборки на основе работы химических процессов, возникающих в организме, подвергнувшись нашему влиянию. Инкапсуляция работает безукоризненно. Но для Хакера психовирус не стал барьером. Я считаю, что те остатки психико-нейронных образований, которые оставил Хакер в действующем состоянии, не представляют интереса, поскольку процесс инкапсуляции и внедрения с распаковкой инфовируса завершён и психовирус выполняет роль допинга, причём в сугубо индивидуальной форме. Предполагаю, что как допинг, он или как будет угодно – она, рано или поздно прикончит своего носителя, перегрузив нейронные связи и другие отделы мозга, отвечающие за жизнедеятельность организма, к примеру, за функцию дыхания или сердцебиения.

Как мы видим, здесь нет эмоциональной глубины и невообразимой сложности человеческих взаимодействий, которая способствовала бы взаимному чувственному, материальному удовлетворению, придающему смысл существованию пары. Биологическая женщина вносит в мир мужчины уникальный набор своего женского опыта, иных, часто необычных и неожиданных мнений и эмоций, которые формируют полный диапазон, подчеркну, человеческих отношений, в радости, ссорах и так далее. Спонтанность, обусловленная настроением, предсказуемость или наоборот – непредсказуемость, связанная с темпераментом и несовершенством одного из этой пары перед другим в одном деле и другого – в другом, присущие человеческим связям, способствуют их взаимодополнению, углублению и, главное, подлинности, искренности отношений – главным параметрам, которые в первую очередь программное обеспечение, точнее, ещё на более раннем этапе создания, алгоритмы, какими бы развитыми они не были бы, не могут в длительной перспективе убедительно подражать любящей и заботящейся о мужчине биологической женщине.

Вполне очевидно, что вопрос о том, нужна ли мужчине биологическая женщина, выходит за рамки мотивов по достижению удовлетворения своих физических потребностей. Отношения влюблённой пары, а имитация влюблённой женщины – это самый трудный вариант алгоритма, не просто определены эмоциональной и сексуальной зависимостью,

это путь общего роста, как некоего единого целого двух слившихся индивидуальностей, это единая среда понимания и поддержки в разных жизненных ситуациях, по принципу внутренней потребности, а не потому, что, как говорят – «все так делают». Унисон эмоций, способность вместе адаптироваться к жизненным трудностям и общая эйфория от успеха, когда мужчина, неосознанно подхватывает свою женщину на руки и кружит её – неотъемлемые компоненты человеческих психологических связей, выходящие далеко за пределы возможностей алгоритмов, которые могут быть написаны для виртуальных «идеальных женщин».

Только биологическая женщина может иметь подлинные, правильно распознаваемые связи с мужчиной, выходящими за рамки природной функциональности полов и дать всю богатую палитру человеческого опыта, поскольку каждая женщина уникальна, а значит – неповторима.

– Все согласны? – Асука постаралась, хотя бы мельком, заглянуть в глаза окружающих стол учёных. Сотрудники, ожидая какой-то подвох, молчали.

– Конечно, любая женщина повторима и дело даже не в законе Мура, частично актуальном даже сегодня, с учётом того, что вы начали работу над инфовирусом и Кеном два года назад. Утверждение, что устройства, управляемые искусственным интеллектом – ИИ, не получают достаточных вычислительных ресурсов, чтобы заменить специалистов, работающих в разных отраслях социальной сферы и требую-

щих непосредственного, эмоционального, а главное, адекватного ситуации, контакта, будь то врачи, нотариусы, кассиры, преподаватели, работники социальных учреждений, в том числе и детских садов, устарело. Главная проблема не вычислительные мощности, а правильное описание и повторение работы человеческого разума, с учётом уникальности каждого. Моделирование человеческого разума, без учёта общественного бессознательного, это объединение трёх сфер: рациональность, эмоции, опыт. Я думаю, что описание рациональности трудностей не вызовет, это набор универсальных параметров, это то, что хорошо для индивидуума при приемлемых последствиях. Эмоциональная сфера разума, наоборот, в описании самая сложная, если быть точней, самая рутинная и сложность заключается не в решении самой задачи, а в объёме исходных данных, причём качество этих данных и определяет искренность или истинность человеческих отношений. Как выглядит эта задача? Один человек проявляет, подчас сложные эмоции, вызванные как реакцией на непосредственное взаимодействие, так и скрытую реакцию на параллельные мысли о других событиях или на физиологическое состояние организма. Инфовирус «идеальной женщины» должен решить задачу распознать эти эмоции и выдать правильные ответные данные в виде слов, эмоций, действий. В этих моментах фальшь улавливается быстро и появляется сомнение, которого быть не должно.

И если описание рациональности напоминает работу над таблицей умножения и описание простого калькулятора, считающего выгоду и ущерб, то расчёт эмоций разума базируется на смешивании в правильных пропорциях простых стандартных элементов вроде букв алфавита, из которых складываются слова, а слова – в предложения. Но и сами буквы имеют интенсивность своего цвета. Радость, к примеру, по интенсивности отличается от слабой к эйфории. Но радость бывает от полученного подарка, встречи с любимым, эйфория – от последней дозы наркотиков погибающего наркомана или от оглушительного успеха утомительной и продолжительной работы. Возьмём гнев. Просто гнев или гнев, усиленный накопленной усталостью и зубной болью, должны чётко разделяться и правильно распознаваться, разделённые на простейшие элементы – «виртуальная женщина» верно определив и признаки гнева, и признаки боли, и признаки усталости по невербальному языку тела, химическому составу жидкостей организма источника и силе нервных импульсов, до явного выражения этого микса эмоций, успеет направить эмоциональный поток по другому направлению, в позитивное эмоциональное русло.

Асука замолчала. Тишина в зале стояла образцовая.

– А знаете, какое самое главное преимущество есть у «идеальной виртуальной женщины»?

– Её идеальность? – кто-то отреагировал вопросом на вопрос.

– Нет, – Асука улыбнулась.

– Изначально «идеальная виртуальная женщина» как чистый лист бумаги, *Tabula rasa* Джона Локка, совершенно безэмоциональна в отсутствии своего симбионта или носителя. Её умение накапливать и анализировать результаты взаимодействия трансформируется в правильное распознавание эмоций у цели. Потому её ИИ превосходит эмоциональный разум людей в способности распознавать эмоции. Потому она идеальный психолог, у неё нет своего Эго, она живёт своим мужчиной, она как луна, не осознавая себя, правильно отражающая солнце. Но, каким-то образом, психовирус Хакера определил свой, независимый от личности носителя, круг интересов, в частности не эмуляцию, в соответствии с основным алгоритмом, женского пола, а настоящее самосознание женщины, причём влюблённой.

– Вы говорили о взаимном обогащении, но пока мы видим использование потенциала только мужчины, – заметил начальник отдела постановки задач.

– Вы правы, эта задача должна быть описана при моделировании третьей сферы разума – опыта разума. «Идеальная виртуальная женщина» не может быть полностью покорной, к чему обязательно приведёт создание и внедрение в ИИ первых двух сфер – рациональности и эмоций разума. Между людьми всегда существует дистанция, своеобразная зона индивидуального комфорта, нарушение которой даже со стороны близкого человека вызывает агрессию, возмож-

но, не сразу, но этот дискомфорт имеет кумулятивный эффект. ИИ должен создать и поддерживать свою зону комфорта и не вторгаться в зону комфорта мужчины, причём отдаление также вызывает негативные эмоции. Потому, исход из одной какой-либо ситуации имеет несколько правильных решений, но каждая из этих правильностей не является стопроцентной, есть решения чуть хуже или чуть лучше и самое правильное решение не всегда верное, в этом и есть суть уникальности человека. И эту уникальность приобрёл симбионт Хакера.

Вы решили одну из двух главных проблем полностью – инкапсулирование инфовируса и сборку психовируса в организме и вторую – частично, психовирус считается условно функциональным. Впрочем, тут важная проблема также решена, сферу опыта разума и необходимые вычислительные мощности психовирус получил непосредственно от мозга мужчины и должен был остановиться на этой стадии, выполняя основную задачу по поимке цели. Но симбионт Хакера после осознания своего пола развил свою, уже чисто женскую сферу опыта разума, используя в качестве основы любовный опыт Хакера и ваши, данные о его предпочтениях, вложенные в базу вируса.

Асука потихоньку стала выходить из беседы, было похоже, что она сложила и разожгла полезное тёплое пламя в очаге и теперь огонь мнений подогревал энтузиазм учёных. Беседа вошла в конструктивное русло, поддерживаемая людьми,

становящимися единой командой.

Так начала свою работу в качестве специального агента по поимке Хакера Асука Ивановна Китагучи, которая была вызвана для помощи в расследовании, как имевшая боевой опыт в области компьютерной безопасности и цифровой криминалистики. Ивановна была легендой в мире кибербезопасности. Её портфолио украшали несколько крупных операций по ловле самых результативных хакеров, взломавших закрытые правительственные и военные системы. Прежде всего, она была известна своей безжалостностью и настойчивостью, когда речь заходила о борьбе с киберпреступниками, двух преступников Китагучи лично застрелила.

Тогда, Асука, ещё молодая и неопытная сотрудница отдела кибербезопасности Министерства обороны, отправилась проверить вероятный адрес, полученный в результате кропотливого, многодневного анализа косвенной информации. Асука осталась одна, поскольку рабочий день закончился, и никто из сотрудников не согласился сопроводить её, считая, что через чур заумная выскочка должна сама разгребать схемы своих странных фантазий.

Двое бывших военных из группы Информационно-психологических диверсий, ставших киберпреступниками, давно и безнаказанно опустошали электронные счета военных пенсионеров. Они прекрасно знали рабочие схемы противодействия профильных ведомств, потому всегда уходили от преследования. В этот раз, внезапно застигнутые её появлени-

ем, они напали на девушку, рассчитывая убить её и быстро скрыться. Ивановна без всяких колебаний, двумя короткими очередями в упор, уложила обоих из автоматического Стечкина и... потом несколько долгих вечеров плакала в подушку и засыпала лишь под утро, переживая свой первый опыт столкновения с преступным миром. Но на работе никто и никогда не видел даже следов слезинки на тщательно ухоженном лице Китагучи.

Обсуждение перешло от научных деталей к фактической реализации, планированию действий и стало напряжённым, уже и офицеры вникали в детали дела и пытались объяснить учёным, как лучше прописать в алгоритмах сбор воедино улик, которые приведут их к преступнику. Асука уже тихо сидела, и быстро перерабатывая поступающую информацию, делала заметки в планшете.

По мере того, как конференция, превратившись из локальных склок в единый мозговой штурм, продолжалась, стало ясно, что дело оказалось более сложным, чем кто-либо первоначально думал. Была ясно воспринята угроза, что невинные люди могут или могли нелегально использоваться в качестве носителей паразитического вируса, который мог завладеть их разумом и контролировать их действия. Прогнозируемые последствия инвазии были столь ошеломляющими, что старшие офицеры согласились с тем, что нужно действовать быстро, чтобы остановить распространение вируса, потенциальным источником которого мог стать Хакер.

Асука опять заговорила, её голос снизил напряжение в зале. Она предложила использовать свои навыки антихакера, чтобы отследить цель, понять механизм активации его вируса до его видимого проявления в виде реакции в мозгу Хакера и, найдя способ отключить его, прежде чем он сможет понять, что произошло, заставить уже через другой вирус, сдаться.

Старшие офицеры, внимательно следившие за беседой, кивнули в знак согласия. Разумеется, они ожидали, что Китагучи, со временем, найдёт решение, но впечатлённые выступлением Асуки и готовностью действовать, быстро согласовали итоговое коммюнике. Вдохновение, порождённое её острым умом и уверенности в успехе, овладело людьми, опять почувствовавшим своё командное преимущество над неуловимым противником, и сама Асука светилась энергией и желанием довести дело до конца. Далее, старшие офицеры начали формулировать план, объединяя ресурсы и знания отделов в единое целое, чтобы победить в гонке со временем и остановить Хакера, прервав возможный процесс заражения и превращения обычных людей в носителей психических вирусных паразитов. План, в общих чертах, был согласован и принят без особых возражений.

Асука встала из-за стола, давая понять, что пора всем приступить к работе. Подойдя к охранникам, она указала на молодого учёного, модифицировавшего инфовирус и тихим голосом отдала несколько распоряжений. Была и другая при-

чина, вызывающая у Асуки особый интерес к делу, о которой знало только высшее руководство компании и память о её старой подруге по университету, где она когда-то училась, а главное...

Свобода плена

Для влюблённой пары птиц клетка становится домом.
Эгоскрипту Человека на скамейке

Снег шёл, не переставая уже целую неделю, замечая следы человеческого присутствия и скрывая тайную лабораторию, построенную в глубинах массивного горного кряжа северной части Уральского хребта. Здесь, в нескольких десятках метров от поверхности, было тепло, температура поддерживалась на комфортном уровне, мягкий свет бионических ламп был максимально приближен к спектру весеннего солнца. Широкие коридоры, просторные помещения, свежий, насыщенный фитонцидами воздух, тому, кто попал сюда в закрытом ящике для грязного тюремного белья, казалось бы, что это элитный крымский курортный отель, а не закрытый научный институт, расположенный в северных широтах.

Глаза постепенно привыкали к свету, мир расширился до белого потолка, пока ограниченного стенками ящика, и лица женщины, смотревшей на учёного.

– Странный способ перевозки вы выбрали, – учёный никак не мог выбраться из ящика, его руки и ноги затекли и не слушались.

– Что-то не то было сказано или просто не расслышала, это было слово «спасибо»? – с иронией в голосе спросила

миловидная женщина в белом халате. Ей было, с виду, за сорок, она была среднего роста, худощавая, в короткие пряди каштановых волос, убранных в медицинскую шапочку, уже вплелась седина. Она с лёгким любопытством во внимательных серых глазах, обрамлённых окулярами дорогих очков, смотрела на учёного.

– Меня зовут Ада Николаевна Клинчевская, мы – коллеги, но из разных отраслей науки.

– Вы физик?

Ада Николаевна отрицательно покачала головой.

– А, вы медик! – Егор пытался уточнить границы новых обстоятельств, в которые он попал.

– С некоторым допущением, да, но это не основной род моего научного интереса. Я философ. И это место, – Клинчевская повела вокруг рукой, – храм философии. И вы поможете нам решить нашу главную проблему. Для этого вы и здесь!

– Я вас не просил меня похищать!

– Ну, я бы не спешила называть ваше перемещение сюда – похищением!

– А как бы назвали? – учёный смог привстать и присесть на стенку ящика.

– Если более точно определить, то я бы назвала это сменой статуса. Раньше вы были белой мышью, важной мышью, хорошо откармливаемой мышью, драгоценной мышью. И только всего одно слово в описании портит всё – вы были под-

опытной мышью.

– Я не люблю мышей! – учёный пытался размять мышцы, отзывающиеся очень неприятной, покалывающей болью.

– А исполнять роль лабораторной крысы любите? – женщина нахмурилась.

– В любом случае, подозреваю, что вы не представитель альтруистической организации и это лишь замена одной клетки на другую! – учёный неуклюже выбрался из ящика и присел на корточки, чтобы не упасть, координация движений восстанавливалась медленно и, что ещё хуже, он не видел и не слышал свой психовирус.

– Возможно. Только это уже не клетка, а огромный вольтер, и вы повышены в своём статусе обратно до человека. Вы не интересуете нас ни в качестве подопытного, ни в качестве товара на какой-либо обмен.

– Вы все тут учёные-философы?

– Можно и так сказать. Но, более точно выражаясь, мы – служители.

– Вы служите? А, ясно – армия.

– Армия бы не стала похищать вас у армии – у самой себя, Егор Николаевич, – женщина улыбнулась, – вы здесь из-за вашего желания стать блестящим учёным, которого всегда увлекала идея создания искусственного сознания. Ваша работа привела вас к цели, но важность и значение полученного результата создало как риски, так и новые возможности. Но в чём-то вы правы, зданиями, откуда вас вывезли и куда

привезли, – управляют одни и те же люди. Я вижу, что вы немного утратили свои дедуктивные способности или ваша мозговая подружка покинула вас? Не переживайте, эти стены тоже немного умеют работать с сознанием и подавляют активность вируса в вашем мозге. Нам тут несанкционированный сверхчеловек не нужен. А сейчас, я предлагаю вам пообедать. Потом продолжим разговор в моём кабинете.

В стенах коридора открылись две ниши, скрывавшие двух охранников.

– Проведите Егора Николаевича в столовую, а когда поест, я хочу видеть его в моём кабинете, – Ада Николаевна указала ладонью в сторону Егора, – Егор, надеюсь, вы понимаете, что то, что вы не видите охрану, не означает, что охраны нет. Теперь вы знаете, что за вами будут наблюдать. Постоянно. Если хотите состариться, то не нужно пытаться перехитрить тех, у кого охрана режимного объекта является основным видом профессиональной деятельности. И, к тому же, до ближайшего населённого пункта лежит пересечённая горами и ущельями снежная тайга, очень недружелюбная к случайным людям.

– А, так кому-то удалось сбежать? – Егор не смог подавить свой внутренний протест.

– Ага, удалось. Почти. Была тут у нас особо ретивая особь. Была человеком, прямо как вы сейчас, потом стала подопытной и превратилась в изделие, теперь приносит большую пользу, – и, махнув рукой, развернулась и быстро ушла,

на ходу набирая номер мобильного телефона.

– Кстати, на белую мышь вы больше похожи чем, я, это на вас халат белого цвета, и вы вынуждены подчиняться начальству и похищать людей! – вдруг вырвалось у Егора.

Ада Николаевна остановилась, опустила телефон и, обернувшись, раздельно и монотонно, словно печатая, чётко произнесла безэмоциональным голосом: – Глупо, но даже если так, то я – та мышь, от которой вы полностью зависите. Не забывайте этого!

Охранники подошли, один жестом указал, куда нужно было идти. Егор подчинился, и один охранник пошёл впереди на пару шагов, второй – отстал на те же два шага. И в таком порядке они пришли в столовую, которая располагалась относительно недалеко, в конце прямого коридора.

Столовая в секретном научно-исследовательском институте представляла собой большой просторный овальный зал, на три четверти мест заполненный людьми. Зал был освещён мягким верхним светом, лившимся из ниш, расположенных в потолке и верхней части стен, тон тёплого света как бы расширял пространство. Большие электронные панели вдоль одной из стен, очень натурально показывали дикий пляж Южного берега Крыма, вероятно, это был Царский пляж в заповеднике за Новым Светом возле Судака. В такт звукам природы система аэрации зала подавала чуть влажный солоноватый морской воздух, тихий шелест гальки от набегаемой на берег прозрачной морской волны. Картина

была настолько натуральна, что создавался устойчивый эффект присутствия на курорте.

В зале было установлено несколько длинных деревянных столов со скамейками, свитых в вытянутый знак бесконечности, за которыми сидели и ели учёные и инженеры. Одна деталь этой идиллической картины сильно удивила Егора. Столы, помимо еды, были завалены бумагами, ноутбуками, какими-то мелкими научными приборами и моделями, что явно показывало, что многие сотрудники предпочитали тут и работать, не покидая это комфортное, уютное место.

Помимо учёных и инженеров, в зале находились охранники и несколько вооружённых солдат. Они стояли неподвижно и молча наблюдали за исследователями. Только тут они были видимы как напоминание существующей преграды, отделяющей этот затерянный в горах угол от внешнего мира.

Тем не менее, присутствие охранников не портило общей, деловой атмосферы в зале, служебная рутина, втянувшая людей в свой небыстрый водоворот, в целом была спокойной, дружелюбной и даже уютной. Учёные болтали, иногда пересмеивались с шуток друг над другом, обсуждая за едой последние новости и достижения своих исследований.

Еда в классической фаянсовой посуде была простой, но питательной, с упором на привычные блюда. Подносы с борщом, жареной курицей, тушёными овощами, варёным картофелем, разными салатами и свежим, ещё пахнущем горячей выпечкой, белым хлебом, разносили по столам офи-

цианты, одетые в тропические, цветастые майки и шорты. Стройные молодые девушки в стильных бикини катали вдоль столов тележки с кувшинами родниковой воды, соками, чаем и кофе и щедро наливали всем желающим.

Охранники оставили сопровождаемого и присоединились к группе своих товарищей, пообедавших за отдельным столом.

Егор, отошёл к стене, продолжая наблюдать за этим занятым, спокойным микромиром, ему казалось странным, что в этом поднадзорном пространстве может жить такое сильное чувство товарищества и сотрудничества. Все люди в этом зале, где должны были только есть, ещё и продуктивно работали для достижения общей цели, а столовая стала местом, где они могли как отдохнуть от работы, так и собраться вместе и поработать как научное сообщество.

К Егору подошёл толстый официант, дреды в его светлых волосах смотрелись совершенно неуместно, даже нелепо. Поймав взгляд учёного, официант пожал плечами, дескать, так надо, курорт и всё такое. Потом провёл Егора к небольшому столу, укрытому куполом полупрозрачной накрахмаленной белой ткани. За столом был только один стул.

Учёный сел за стол, чувствуя, как тяжесть последних событий всё ещё гнетёт и занимает его ум, оттолкнув чувство голода далеко на задний план его текущих потребностей. Официант откинул купол и, пожелав приятного аппетита, ушёл, забрав купол с собой. Егор посмотрел на содержимое глубокой тарелки перед собой: жареная дикая утка-чирок,

его любимое блюдо, и изящный бокал тёмного крымского «Кагора».

Он глубоко вздохнул и, взяв нож и вилку, отделил небольшую часть грудки. Первая проба оказалась изысканной на вкус, нежное мясо таяло во рту, хрустящая корочка разожгла аппетит. Он закрыл глаза, смакуя вернувшееся наслаждение, вдыхая аромат с исходящего лёгким паром кусочка и чувствуя наступающее утешение в знакомом вкусе.

Но затем, чем дольше он ел, тем более чёткие и ранящие воспоминания начали заполнять его разум. Он вспомнил свою любовь, свою девушку, чья фотография в траурной рамке когда-то стояла на его рабочем столе, той, которая любила это блюдо так же сильно, как и он. Память вернула ему образы ресторана, где они впервые провели вечер вместе и попробовали это русское блюдо. Они потом часто приходили в этот ресторан, экономили, заказывали и делили одну утку на двоих и ещё, по бокалу вина. Да, сладкого густого красного вина, крымский «Кагор», Массандра.

Его девушка несколько лет назад погибла в результате несчастного случая, и учёный полностью погрузился в работу, чтобы справиться с потерей. Психологи называют этот метод самозащиты психики вытеснением или заменой. Но боль утраты не ушла, она лишь спряталась в глубоких коридорах подсознания, напоминая время от времени о своём невидимом тлении мотивами, способными определить ряд поступков, в результате которых, как сказала Ада, он здесь

и оказался. Теперь, когда он ел эту утку, он почувствовал тягучий, пронзительный укол тоски, острота которой, казалось, уже давно прошла.

Он открыл глаза, отложил вилку и опять глубоко вздохнул, пытаясь прийти в себя. В зале было относительно тихо, многие уже ушли, остальные посетители по-прежнему были погружены в свои негромкие разговоры. Но учёному казалось, что весь остальной мир на несколько десятков секунд замер или, вообще, перестал существовать. Егор думал о своей девушке и обо всём, что у них было общего. Быстролётное чудесное время их первых встреч, радость и смех, слезы обид от недосказанного и непреднамеренной лжи. И теперь, когда он ел чирка, он снова чувствовал её присутствие рядом с собой.

Он взял вилку и медленно доел блюдо, погружившись в свои мысли. Ароматы всё ещё дразнили его обоняние, его рот ощущал всё тот же отменный вкус, но теперь и вкус, и запах еды были смешаны с горько-сладкими воспоминаниями о его прошлом.

Егор встал. Он догадался, для чего нужна была такая столь изошрённая пытка, такой способ заставить его работать, а не делать вид. Ада думает, что он вернётся сюда снова. Не столько за уткой или возможностью общаться с другими людьми, сколько за воспоминаниями, которые, как полагает Ада, она вернула. За моменты, которые он разделял со своей девушкой, и за надежду, что однажды он снова смо-

жет полюбить и опять обретёт своё счастье. Напрасно, Егор был однолюбом и закрытой личностью, а потому не нуждался в обществе, если это не касалось его работы. А работать на Аду он не намерен. Воспоминание придало ему уверенности, она, его единственная любимая, с ним, пусть как психовирус, пусть не в активном состоянии и пусть они делают, что хотят, он устал от всех этих навязчивых, агрессивных людей, постоянно чего-то от него требующих.

Охранники вернулись, увлечённо обсуждая между собой какой-то боксёрский поединок и, не прерывая разговора, бесцеремонно понукая похлопываниями и тычками Егора, заставили его идти в нужном направлении по бесконечным коридорам и пролётам лестниц до тех пор, пока не остановились у высокой резной, из светлой древесины карельской берёзы двери. Охранники постучали, дождались ответа, затем, открыв наполовину проход, впахнули Егора вовнутрь кабинета Ады Николаевны и закрыли за ним дверь. Дверь толкнула учёного в спину, от толчка он упал на карачки, толстый ворсистый ковёр спас его ладони и колени от ушиба.

Женщина сидела за старинным письменным столом в удобном широком кресле из белой кожи, её глаза были устремлены на учёного, стоявшего возле двери в позе собаки и так же смотревшего на неё снизу вверх. На несколько секунд в кабинете повисла пауза, отмеряемая самой быстрой стрелкой размеренно тикающих настенных часов.

– Да, нехорошо получилось! – разочарованно произнесла

Ада Николаевна.

Егор поднялся на ноги:

– Я не буду на вас работать!

– Я это и имею в виду, идея с уткой мне не сильно нравилась, но я решила послушать и проучить наших зазнавшихся психологов, показав, что есть некоторые люди, такие как вы, и даже безотказные для большинства методы психологического воздействия на таких не действуют. Даже наоборот, вызывают обратную от желаемой реакцию, так ведь?

Егор насупился и не ответил, только стоял, слегка покачиваясь и зло, исподлобья неотрывно, глядел на Аду Николаевну.

– Вам кажется, что у вас всё, что вам нужно, уже есть. Ощущение присутствия любимой в вашем мозге, там памятью запечатлены изыскания, борьба и страдания ради неё. Хороший результат в виде психовируса в итоге. Вы считаете это настолько личным, что не уловили одной важной особенности этой вашей чувственной стороны и переплетённого с ней научного пути, хотя окружающие считали вас сухим и крайне рациональным человеком, – Ада Николаевна отодвинулась от стола, выдвинула ящик и, достав коробку спичек, демонстративно положила на стол.

Егор почувствовал тонкий, чуть пряный запах женского табака.

– Угадаете, какой предмет я достану и положу рядом? – Ада Николаевна постучала пальцем по коробку, – Если уга-

даете, я отпущу вас.

– Я не угадаю, но в таком случае, думаю, что говорят «пачка сигарет», женских, длинных и тонких, – пробурчал Егор.

Ада Николаевна достала красивый продолговатый тёмный бархатный футляр, по размеру чуть больше, чем коробка для очков и, открыв, показала учёному. Там лежала изящная трубка с серебряным нагубником и платиновыми боковыми накладками с выемками для пальцев.

– Угадал только один человек и я до сих пор не знаю как, но тут вы как все, не угадали, – Ада Николаевна улыбнулась.

Женщина достала плотный бумажный пакет с табаком, задвинула ящик, придвинулась обратно и стала неторопливо набивать трубку.

Егор молча наблюдал за ловкой работой её пальцев.

– Егор Николаевич, это похоже на трубку мира? – Ада Николаевна стала раскуривать трубку, – можете раскурить?

– Я не курю и вам не советую, курение – зло! – резко ответил Егор, – Зачем я здесь?

– Я полагаю, что вы знаете ответ на этот вопрос – чтобы работать на меня! И да, предложение «раскурить» носило риторический, переносный смысл.

– Я думаю, что вообще никто не угадал задачу с вашей трубкой и весь этот спектакль – прелюдия к попытке вынуть из моего мозга психовирус. Вы действительно полагаете, что на успех влияет общий эмоциональный фон, что если успокоите меня, то экстракция легче пройдёт?

– Я сказала правду. Это была девушка, иногда женская интуиция способна творить чудеса предсказания, – Ада Николаевна поморщилась.

– Вижу, что вам неприятно о ней говорить, это она пыталась сбежать?

– Угадали. Но не угадали в другом, более важном. Ваш психовирус не особо интересуется нас. Речь только о работе.

– Я не...

– Закройте, наконец, свой шкодливый рот, – Ада Николаевна грубо прервала Егора, – ваше согласие уже predetermined, я даже могла и не спрашивать вас, мягко подготавливая, а просто сломав вашу гордость, услышать торопливое «да» на моё предложение. Пойдёмте со мной!

Ада Николаевна положила дымящуюся трубку на никелированное блюдо, встала из-за стола, подошла к стене и приложила ладонь.

Открылся широкий вход в лифт.

– Слушайте, тут система такая же как в городском лифте, дверь закрывается автоматически, поторопитесь! – Ада Николаевна быстрым шагом зашла на подрагивающую платформу.

Егор зашёл следом. Это устройство не было лифтом в привычном понимании. Это была транспортная платформа с поручнями, перемещавшаяся в вертикальной шахте. Ада чётко назвала несколько цифр, и платформа, мягко стронувшись, с ускорением устремилась вниз и спустя некоторое время,

издав слабое шипение пневмотормозами, плавно остановилась.

Ада Николаевна опять положила ладонь на стену, противоположной той панели, через которую они вошли. Часть стены отошла в сторону, открыв проход в пространство большой пещеры. Потянуло холодом и свежестью горного речного потока. Ада Николаевна жестом пригласила Егора выйти первым из лифта. Егор немного пригнул голову, сделал шаг вперёд и оказался в самой секретной лаборатории этого тайного исследовательского института. Учёному стало жутко, даже страшно от вида большого, просторного, тускло освещённого пространства, уходившего в невидимую мглу свода. Влажные стены пещеры напоминали внутренность большого склепа. Несколько расставленных по площадке прожекторов освещали ключевые области этого природного зала. Вдали искрились струи холодного водопада, лившегося откуда-то сверху.

Егор остановился, разглядывая природное монументальное величие горной пустоты, Ада Николаевна остановилась, ожидая, когда Егор свыкнется с обстановкой. Спокойствие женщины подействовало, чувство страха прошло.

– Идёмте дальше, как вы понимаете, эта лаборатория является не совсем обычным исследовательским центром, поскольку были причины расположить её глубоко в горной пещере, – Ада Николаевна повела Егора в направлении центральной конструкции, вокруг которой было собрано всё

остальное оборудование.

В центре выровненного и забетонированного участка был большой стеклянный цилиндр, установленный на круглом, гладком мраморном основании. Сквозь матовую белизну его содержимое не было видно. Из цилиндра выходило множество разнокалиберных трубок и кабелей, соединяющихся с различными механизмами и электронным оборудованием, заполнившим лабораторные стойки. Егор никогда не видел оборудования столь высокого класса, во многом это были модификации самых современных моделей медицинских аппаратов, там был аппарат искусственной вентиляции лёгких, ближе дубликатор системы кровообращения, там несколько моделей искусственных почек и печени. Всё это с сенсорными экранами и пространственными многоуровневыми виртуальными 3D-панелями было подключено к суперкомпьютеру. Трубки и кабели тщательно уложены, создавая впечатление, что они являются неотъемлемой частью этого статичного во времени, загадочного эксперимента. Персонал из несколько человек в белых и синих халатах, был занят проведением тестов, анализом данных и настройкой параметров оборудования. Они почти не обращали внимания на Аду Николаевну, только кивком головы приветствовали и продолжали копошиться дальше.

– Ну вот мы и пришли. Тут будет ваше рабочее место, а эти люди станут вашими подчинёнными, – Ада Николаевна хлопнула ладонью по мраморному основанию, вызывая вир-

туальную панель управления.

– Я уже некоторое время не занимаюсь медицинской практикой, – заявил Егор и сел на бетонный пол и закрыл лицо руками, – я устал, там, откуда вы меня притащили, была хоть какая-то определённость и угол с койкой!

Женщина, не слушая Егора, наконец добралась в этих списках выпадающих меню до нужной опции.

Поверхность цилиндра стала терять свой молочный цвет, открывая что-то большое и неясное, слабо колыхающееся в потоке какого-то движущегося вещества и кишачих мелких разноцветных газовых шариков.

Ада Николаевна продолжала свои манипуляции с виртуальной панелью и добралась до управления одним из прожекторов, и его луч быстро переместился на цилиндр.

– Егор Николаевич, взгляните. Вот работа, которую вам надо доделать. Поверхность цилиндра стала такой прозрачной, что стекло перестало быть видимым. Цилиндр был наполнен неизвестной жидкостью, которая преломляла свет, создавая завораживающую игру цветов.

Егор поднял голову, его глаза округлились, он издал нечленораздельный вопль и одним прыжком оказался на мраморном основании, едва не разбив себе лоб о стекло цилиндра. В цилиндре было помещено бессознательное тело обнажённой девушки, с длинными распущенными волосами и тонкими чертами лица, словно сошедшей со знаменитой картины Боттичелли «Рождение Венеры».

– Ева! Ева! – неистово кричал Егор в резко накатившем исступлении. Кричал и изо всех сил хлопал ладонями по толстому стеклу, надеясь, что она услышит и проснётся, она, его единственная и любимая, ради которой он готов на всё.

Ада Николаевна отвернулась. Она прятала широкую улыбку, с которой не смогла совладать.

– Егор, перестаньте бить аппарат, а то он даст сдачи! – тихо сказала Ада Николаевна. – Егор, Ег-о-о-о-р! Хватит!

Сверкнула искра, автоматика защиты определила, что происходит несанкционированный доступ к оборудованию.

От сильного удара током мышцы ног Егора сократились и он, как большая лягушка, в непроизвольном прыжке отлетел от цилиндра и, перевернувшись в воздухе, упал на пол и потерял сознание.

Егор очнулся в отделении здания, где располагалась палата интенсивной терапии. Его окружали, знакомые по первой работе практикующим врачом, гудящие аппараты жизнеобеспечения и информационные панели, с бегущими графиками и меняющимися цифрами, описывающими его текущее состояние. Ада Николаевна сидела у его кровати, держа его за руку и вела разговор о диагнозе с другим врачом: в результате падения Егор получил серьёзные ушибы, лёгкое сотрясение мозга и от удара током несколько часов находился без сознания.

Сотрясение? Как? Его били! Егор чувствовал себя сбитым с толку и дезориентированным, пытаюсь понять, что произо-

шло. Когда он попытался припомнить события того вечера, его захлестнула волна смущения, как будто он совершил что-то совершенно непристойное. Память урывками, словно прорываясь сквозь липкие паучьи сети, возвращала Егору эпизоды похода в пещеру. Зачем он пытался разрушить матовый цилиндр? Он не мог поверить, что вот так потерял контроль над своими порывами.

Когда он вспомнил всё, что произошло, его эмоции проснулись и превратились опять в невыносимый ураган, разрывавший его сердце на части. Он почувствовал, как к горлу подступил колючий ком, а на глаза навернулись слёзы, и он не может поднять руку, чтобы прикрыть лицо, защититься от чужих, насмешливых или торжествующих взглядов.

Ада заметила его движение и несколько мгновений смотрела на Егора, его ожившее лицо, из-под дрожащих закрытых век текли слёзы.

Врач дежурно спросил, что случилось, больше обращаясь к Аде Николаевне.

Егор пытался взять себя в руки, но слезы не прекращались. Он испытывал физическую боль от ушибов, его переполняли эмоции, и он не знал, как с ними справиться. Он всегда старался казаться рациональным и уравновешенным человеком, но эти чувства были слишком сильными, чтобы он мог преодолеть этот гнетущий поток, не физической, душевной боли.

– Да, – еле слышно произнёс Егор.

– Я услышала! – Ада Николаевна отпустила руку Егора и встала.

– Поправляйтесь! – женщина, вытерла марлевой салфеткой мокрые щёки Егора, дала несколько указаний врачу и вышла из палаты.

В течение следующих нескольких дней Егор начал восстанавливаться после падения, испытывая при этом смешанное чувство некоего обретения и боязнь новой потери, стыда и вины. Таких ощущений он пытался избегать всю свою жизнь, воспитывая в себе рациональность, опору на разум в поступках и определяющим научным подходом к жизни со здоровой едой, утренним бегом, спортивным клубом. Он не мог понять, почему его так захлестнули эмоции, почему его любовь к этой девушке по-прежнему так сильна?

Егору разрешили выходить из палаты. За ним никто не присматривал, и он был волен ходить куда угодно, возвращаясь к времени приёма лекарств и осмотров.

Институт вёл обычную научную жизнь, Егор заглядывал в кабинеты и не видел ничего необычного, кроме высококлассного оборудования и с полной отдачей работающих людей.

Егору не нравилось растущее ощущение неопределённости, которое развеять могла только Ада Николаевна, но казалось, что она забыла про него. Возможно, что в этих стенах нет развлечений и она так забавляется с ним, как с игруш-

кой, как кошка с мышью, как с предметом её психологических экспериментов. Но в этом нет никакого смысла, зачем тратить столько усилий?

Егор стоял перед высокой резной дверью из светлой древесины карельской берёзы. Для этого он бродил по коридорам, не осознавая до конца предмета своих поисков, пока он размышлял о разном, подсознание поставило задачу и ноги, каждый раз, несли его в новом направлении. Разум опять вернул контроль над телом.

Егор постучал. Голос Ады Николаевны отозвался разрешением войти.

Егор, испытывая лёгкий трепет, вошёл. Ада сидела в своём кресле и, отодвинув ящик, достала знакомый коробок спичек. У Егора задрожали колени, ему было противно, он чувствовал себя присутствующим на особом экзамене, стоящим перед придирчивым и амбициозным экзаменатором.

– Как самочувствие? – дежурный вопрос Ады звучал фальшиво, он и она понимали, что это негодная тема для разговора, разумеется, Ада знала всё о его самочувствии, вплоть до анализов.

– Расскажите, – умоляюще выдавил из себя Егор.

– С чего начать? – Ада Николаевна поставила коробок на ребро, взяла двумя пальцами за нижний угол и приподняла. Коробок под действием векторов силы тяжести и точек опоры, в местах соприкосновения пальцев с картоном, повернулся, шурша спичками. Ада разжала пальцы и коро-

бок, совершив полусальто, упал на стол. Егор почувствовал облегчение, наблюдая за манипуляциями Ады Николаевны.

– Вас не удивляет, почему вы стали более спокойны? Как бы вы назвали этот звук? На что это похоже? – Ада Николаевна снова взяла коробок и слегка тряхнула. – Это звук из вашего детства, звук погремушки, успокаивающий звук, исходящий от предмета в руках матери для младенца, который перестаёт плакать и засыпает, а значит, ваше подсознание, услышав знакомый звук, сопоставило его с чувством безопасности и успокоило ваш тревожный разум. Там, внизу, всё произошло ровно наоборот.

Ада Николаевна достала пачку женских сигарет и задвинула ящик на место. Егор с удивлением посмотрел на пачку.

– Да, потому, обычно и не угадывают, только та красotka дождалась, когда я в ящике взяла трубку в руку, она это поняла по лёгкой мимике и движению мышц. Но как она узнала, что это трубка, возможно, просто угадала, а замени я тогда предмет, она бы это поняла, да и я перестала бы себя уважать.

Ада Николаевна вытащила длинную тонкую сигарету и закурила.

– Я чувствовал себя как на экзамене, но это мне нужны ответы, – Егор начал привыкать к обществу Ады Николаевны и её манере поведения.

– Я видела, как вы, когда неспешно, когда торопясь, пользуясь возможностью прогуливаться, наблюдали за слажен-

ной и выверенной графиком работой людей в белых халатах, в основном учёных и инженеров. Они были заняты проведением рутинных тестов, анализом полученных данных, вы, приостановившись, следили за тем, как устанавливали и работали с оборудованием. Это работа всей нашей команды заинтересовала вас.

Да, все мы являемся командой, а это учреждение мы называем кораблём. Мы полностью автономны, разумеется, за счёт внешнего финансирования. И как команда корабля имеет капитана, наш корабль имеет рулевого, рулевой это я. Я определяю курс корабля по картам наших заказчиков.

В мире есть достаточно людей, обладающих выдающимся умением добывать большие деньги из разных источников: из бюджета государств, из присваиваемой ренты от продажи природных богатств или получающих доход от патентов изобретений, торговых сетей, игры на биржах. Намного меньше людей с таким умением и ощущающих, что смыслом их существования не могут быть дворцы с неисчислимыми количествами этажей, построенными на всех континентах и даже на скальном грунте подо льдом Антарктиды.

Егор недоверчиво поморщился.

– В одном из таких дворцов мы и находимся, пусть и не в Антарктиде. Да, раньше тут жил один из наших заказчиков. Со временем, пытливый ум подобных людей начинает испытывать скуку, уже не находя интереса в длине яхты и наслаждения от самой изысканной еды, секса, путеше-

ствий. Они разочаровываются в том, что именуется инстинктом жизни и тогда, в их разуме, словно в триггере, переключается состояние из инстинкта жизни к инстинкту смерти. Умный человек, даже став сверху на огромную кучу золота, способен ощутить свою никчёмность и душевную пустоту. Таких людей вообще единицы, это настоящие капитаны человечества. Своей целью и смыслом своего существования они видят решение проблем, о нет, не тех, что порождают голод или войны, тут всё очевидно. А как, к примеру, сделать источник энергии размером с футбольный мяч, способный обеспечить энергией большой город в течение года. Но, это проблема не нашего корабля. Я говорю о том, что подобных научных кораблей несколько. Наш корабль не физико-технический, у нас выше ранг и другая специализация, связанная с философией, религией и этикой. Мы вырабатываем концепции, траектории по которым движется прогресс Человечества, мы являемся инструментом, осуществляющим желания капитанов, нет границ и ограничений, нет предела финансированию. Государства на такое не способны со своими вечными лимитами и жадностью коррумпированных чиновников. Некоторые капитаны заказали исследования межпланетных перелётов, построили космолёты с замкнутым циклом жизнеобеспечения, лесной зоной, аквапарками, собрали семьи, в том числе и рабочих, и улетели в дальний космос. Так они снова вернули себе инстинкт жизни. Технологии они забрали с собой. А государства только на Марс планируют

людей послать.

Наш корабль решает другую задачу. Нашего капитана интересует душа.

И сейчас вы начинаете понимать, что становитесь свидетелем чего-то необычного. Вы не можете не задаться вопросом о цели этого эксперимента. Как вы считаете, почему ваша девушка содержится в цилиндре? Вы уже прочувствовали глубину секретности, которая окружает это место, и вы не можете не чувствовать себя заинтригованным неизвестным.

Егор попытался ответить, Ада Николаевна жестом его остановила.

– Я знаю, что до того, как вы стали заниматься Искусственным интеллектом, вы участвовали в работах по созданию искусственного биологического человеческого тела. Итак, скажите мне, молодой человек, – продолжила она тихим голосом, – чего вы надеялись достичь этими вашими исследованиями в то время?

Егор помолчал, подыскивая аргументы к ответу, над которым специально никогда не задумывался, ему казалось, что эта работа была одной из само собой разумеющихся вещей.

– Ну, – ответил он, – человеческое тело, как и всякий высший организм, невероятно сложная и запутанная биологическая система, включающая в себя тысячи подсистем и состоящая из триллионов клеток, которые скоординировано работают вместе, чтобы поддерживать нашу жизнь и эффек-

тивное функционирование в среде обитания. Целью наших исследований было изучение и моделирование работы всех этих подсистем и создание искусственного биологического человеческого тела, которое могло бы выполнять все функции естественного человеческого тела. Идея была в дубликации тела на клеточном уровне, получении полной копии. Это решение проблемы отторжения органов иммунитетом реципиента. Мы получили бы ряд преимуществ для медицинской науки, в частности, в области трансплантологии. И, попутно, мы решали этическую проблему, создавая тело, мы не создавали личность.

Женщина задумчиво кивнула.

– И как вы планировали этого добиться? – спросила она.

Егор слабо улыбнулся.

– Это сложный процесс, Ада Николаевна, – сказал он, – мы не использовали оплодотворённую яйцеклетку и не выращивали человека, тратя время на его стадии роста от младенца до взрослого человека. Мы, где, используя естественные механизмы регенерации, где модифицированные для человеческого организма, электрохимические процессы, разработанные на опытах по восстановлению кровеносной, нервной системы, костей, кожного покрова при потере хвоста у прыткой ящерицы, смогли получить хорошие результаты, заставив не просто регенерировать образцы в целые органы, но и получить приемлемую скорость регенерации. Было обнаружено, что наши тела обладают невероятной способ-

ностью к самовосстановлению. Человеческое тело способно к эффективной регенерации, и при правильно созданных условиях и стимуляции, организм может исцелять себя сам от широкого спектра травм и болезней.

Мы начали с того, что стали глубоко изучать способность к регенерации разных органов, в частности, печень. Печень отвечает за фильтрацию токсинов из крови, выработку жёлчи для пищеварения и хранение глюкозы для энергии. Это один из жизненно важных органов и программа, в случае успеха, изначально была рассчитана по времени и по финансам на важную промежуточную цель – добиться регенерации самых важных органов. Печень, этот невероятный орган, был выбран первым пунктом в программе из-за способности к непосредственной регенерации. Если часть печени повреждена или даже удалена из-за травмы или болезни, оставшиеся здоровые клетки будут делиться и размножаться, чтобы заменить повреждённую ткань, что позволит печени полностью восстановиться всего за несколько недель.

Но печень – не единственный орган человека с возможностью регенерации. Наша кожа, подвергаясь воздействию окружающей среды, постоянно регенерирует, в эпидермисе постоянно происходят четыре параллельных процесса, это деление клеток в глубине кожи, далее включаются механизмы выталкивание клеток по направлению к поверхности кожи, потом происходит превращение клеток в роговое вещество, это и есть формирование защитного слоя кожи и, на-

конец, слущивание роговых чешуек. Обновление рогового слоя кожи происходит примерно за месяц. Более медленно происходят процесс обновления костей, при этом старая костная ткань разрушается и заменяется новой тканью. Наиболее удивителен процесс регенерации мозговой ткани. Да, даже человеческий мозг способен к регенерации, при этом новые нейроны воспроизводятся на протяжении всей жизни человека. Нейрогенез относительно быстро протекает у детей и замедляется со взрослением и старением. Одним словом, регенерация человеческого организма – это замечательное, завораживающее при наблюдении, явление, демонстрирующее невероятную силу живой природы. Изучая, искусственно стимулируя и поддерживая этот естественный процесс, нам почти удалось раскрыть биологический потенциал тела человека и далеко продвинуться на этом пути. Мы смогли создать основные органы и соединить в общую систему организма. Группа разработчиков кожи немного отставала от общего графика.

Но тут проявилась непреодолимая проблема, мы завершили полную регенерацию мозга из клеток образца, на уровне тканей это был живой, здоровый орган, но мозг не работал. Даже это, постоянное состояние на грани клинической смерти, возможно было поддерживать при помощи аппаратуры и тщательного, ежесекундного наблюдения.

Женщина настороженно слушала рассказ Егора. И чем больше говорил Егор, тем больше начинала нервничать

хозяйка кабинета, неосознанно растирая погасший окуроч пальцами.

– Я так понимаю, что у вас были образцы тканей, из которых вы воссоздавали органы и собирали из них тело?

Егор задумался, он давал подписку о неразглашении коммерческой тайны.

– Я не могу ответить на этот вопрос, – твёрдо сказал Егор.

Ада Николаевна склонилась над тумбой своего письменного стола и достала из ящика папку. Егор увидел на титульной странице своё фото, под ним имя, фамилию, какие-то реквизиты и всё это пересекал большой красный штамп – «ликвидирован». Женщина открыла папку, нашла лист с его распиской «о неразглашении» и демонстративно порвала.

– Теперь я не вижу препятствий для ответа на мой вопрос, – настойчиво произнесла она.

Егор не думал об ответе, штамп «ликвидирован» всерьёз испугал его.

– А, «ликвидирован», бросьте, это для внешнего мира, – Ада Николаевна криво усмехнулась, – внешний мир и меня, когда-то, почти ликвидировал. И так?

– Я тогда ещё не работал, эту историю узнал от старших сотрудников. Да, была проблема с образцами. Очень большая проблема. Материал из морга не подходил, в мёртвых организмах степень повреждения была такова, что сотрудники были бессильны запустить процессы регенерации, нужны были крохотные образцы из всех живых органов одного

организма, проблему иммунного отторжения мы пока не решили. Одним вечером, очень странный человек, в плаще и старомодной шляпе, принёс прямо к дверям лаборатории израненную девушку в красных лохмотьях. Настолько израненную, что даже было сложно определить точно её возраст и описать внешность.

– Мия! Я не... Вот как... так Ева... – внезапно громко проговорила Ада Николаевна, её лицо было искажено гримасой боли, её горло заклокотало от внезапно наступившего спазма, но она махнула рукой, мол, не обращай внимания, продолжай.

– Наша лаборатория была единственным местом на Земле, где можно было её спасти.

– И-и-и?

– Сотрудники взяли полный набор образцов её органов, а затем, да, используя новые, ещё сырые методики и экспериментальную аппаратуру, стали восстанавливать её тело. Но потом она исчезла, она так и не пришла в себя. Её забрал тот же человек, причём он совершенно беспрепятственно вошёл в лабораторию, как и вышел. Охранное оборудование не сработало. После этого случая интенсивность исследований пошла на спад, словно кто-то подготовил огромные декорации, чтобы спасти эту девушку. Работа над образцами была продолжена, я работал и видел уже очень хорошие результаты, но потом меня пригласили в группу медицинских консультантов в департамент разработки искусственно-

го Интеллекта. После университета у меня остались очень неплохие навыки мидла в программировании и, потом, набрав опыта, перешёл уже в самую рабочую группу как ведущий программист. Насколько мне известно, по тем образцам удалось создать тело полностью.

– Тело? А как же душа? – вдруг спросила Ада Николаевна. – Ты тоже можешь это создать?

Егор покачал головой.

– Нет, – ответил он. – Душа – это нечто, находящееся за пределами науки. Наша цель была только создать тело, органы, которые могут функционировать как естественные в человеческом теле, но мы не смогли создать душу, впрочем, и не пытались.

Женщина улыбнулась.

– Я понимаю, – сказала она.

– Но скажите мне, думали ли вы, приступая к разработке инфо- или психовируса, какое значение это исследование будет иметь для общества?

Егор слегка наклонился вперёд, словно пытаясь стать ниже ростом.

– Честно... мне было всё равно, – сказал он, – если мы сможем создать нечто искусственное, воспринимаемое мозгом как своё, которое будет функционировать так же, как и естественное человеческое тело, только в виртуальном, моём мире, то это не принесёт обществу вреда. Так я воссоздал свою любимую только для себя. С Хакером накладка вышла,

он получил стилизованную под него, но такую же, мою модифицированную версию, а не полицейский вариант. Впрочем, признаюсь, не накладка!

– Вот как? – Ада Николаевна удивлённо сложила брови домиком.

– Да, я его знал, он одно время встречался с подругой Евы, когда они учились в университете.

Женщина кивнула.

– Понятно, значит, вы провели эксперимент на нём, а когда увидели результат, сами стали носителем инфовируса – сказала она, – но как, всё-таки, насчёт этических последствий для ваших виртуальных существ? Они живые? Не вызовет ли эта технология много моральных вопросов?

Егор вздохнул и печально ответил:

– Да, они живые, точнее, они ощущают себя живыми, потому у этого исследования, безусловно, есть этические последствия. Для этих существ. Мы должны учитывать факт появления этих искусственных существ и относиться как к живым, со своими правами и свободами.

Женщина улыбнулась.

– Я рада слышать, что вы думаете об этих проблемах, – сказала она, – важно учитывать моральные последствия наших действий, но нужда в научных результатах, порой, перекрывают все этические нормы.

Учёный согласно кивнул.

– Да, я понял.

– Теперь о деле. Образно говоря, у каждого нашего корабля есть несколько шлюпок. Так мы называем наши научные подразделения, интегрированные в научные и образовательные учреждения разных стран. Но мы не ведём науку на благо общества, мы служители, мы исполняем желания отдельных людей. Ваш психовирус стал следствием неожиданного спора, возникшего во время путешествия неких отца и его взрослого сына на Долгоруковскую яйлу возле Симферополя. Предмет спора – это грань между статистикой и предсказанием, сын решил доказать отцу, что сможет методами статистики и психологии предсказать, во что будет одет отец, когда выйдет к новогоднему столу через пять лет. Эта семья была крайне богата, и сын основал свой собственный, статистический корабль, где помимо статистики развивали и изучали и психологию. Новый капитан был очень настойчив, его научная команда добилась столь высоких результатов, что было предсказано, что отец капитана не доживёт до завершения спора один час. Напрасно сын уговаривал отца изменить планы в роковой вечер, отец решил, что сын желает так избежать своего проигрыша. Предсказание показывало, что старик умрёт, выйдя из дома. Сын убрал все опасные предметы, сосульки, лёд, на дорожки уложили толстое резиновое покрытие. Старик вышел из дома, вздохнул полной грудью свежий морозный воздух и умер. Не по внешней причине. Время пришло. Сын стоял над телом своего отца, властный и беспомощный, предсказавший и немощный удержать ду-

шу родного и дорого человека даже на мгновение сверх отведённого срока.

Капитан не стал разрушать свой научный корабль. Получив в руки столь великолепную возможность, он, предсказывая разные события, такие как курсы валют, акций, появление новых технологий, стал гораздо богаче и основал ещё несколько кораблей. Однако старость заставляет задуматься о других, не совсем материальных вещах. Капитан первоначально решил, что сможет создать душу. И кому он её подарит, тот обретёт бессмертие. А для этого нужно сплести в одну косу и людей, и события, чётко синхронизировав встречи, личности, обстоятельства в рамках одного, большого сценария. И разумеется, ведя по предписанным дорожкам ключевых людей.

– Как это возможно? – Егор почувствовал необъяснимую обречённость, он уже интуитивно понимал, о чём дальше будет говорить Ада Николаевна.

Вычислительные компьютеры статистического корабля предсказали, какие школы заканчивают подростки, чьи таланты, при необходимой шлифовке будут необходимы для получения результатов, психологи расписали линии событий, потребности и мотивации, для управления поступками и принимаемыми решениями. Вас вели от окончания школы до настоящего момента.

– А Ева? Она тоже мотивация?

– Ева? Еву вы дважды спасли. Точней, пока только один

раз. Первый раз, когда создали её из образцов той израненной девушки в лаборатории.

– Это уже чересчур, в лаборатории было бездушное тело, без кожи и с неработающим мозгом. Да, я разработал механизм регенерации, ткани, органы стали живыми, но по отдельности, ведь только мозг может управлять многими функциями – сердцебиением, дыханием, перистальтикой.

– В одной из наших шлюпок, интегрированных в большую госкорпорацию, были собраны исходные варианты инфовируса, да, того самого, который вы, спустя время, доводили до промышленного образца. Я была первым носителем инфовируса, вы теперь называете его психовирусом. Этот вирус использует любую технику с экраном, где есть процессор или даже микроконтроллер. Генерируя картинку, которую вы не можете осознать, поскольку длится она всего одну двадцать пятую секунды, вирус генерирует через эмоции и работу внутренних секретий организма исходные части сложных белков, из которых потом, словно пазл, сложится строитель инфо-вируса, который в организме его и построит. Множество картинок с разных экранов, в которые вы случайно или не случайно заглядываете, безвредных для других людей, только в одном организме создадут вирус, используя его индивидуальные особенности. Далее, каждый день специалисты исследовали всю мою кровь, почти до капли, выявляя и забирая изменения, это и был экстракт строителя вируса,

но несмотря на очистку крови, вирус развился. Его первая версия была полностью механистической, поначалу. Ровный ритм сердца, отсутствие недомоганий, головной боли, привычных каких-то покалываний, психовирус привёл организм в идеальную форму. Но в молодом девичьем организме жил ещё и сильный инстинкт жизни, код вируса изменился, в нём появились признаки самостоятельности. Он как бы стал копировать мою личность, отключая меня от моего самосознания в качестве эксперимента или своей игры. Где в тот момент была моя душа? Так появилась версия «Магоса». Что-то произошло, меня освободили от вируса, кажется, путём заморозки и управляемой комы, вирус использует для работы ресурсы мозга, это как резидентная программа в памяти компьютера, перезагрузки просто её стирает.

А вытяжку из крови, которая не несла отпечаток моей личности, ввели через инъекцию бездушной Еве. И Ева ожила. Год она провела на корабле статистики и психологии, пройдя через гипноз, терапию управляемых сновидений, коррекцию пограничных состояний, она получила фальшивую память о своём детстве, учёбе в школе и других событиях своей вымышленной жизни.

В качестве эксперимента по адаптации, Ева поступила в университет и встретила тебя. Немного странно, до этого она смогла подружиться только с одной девушкой и друзей у неё больше не было, если не считать...

– Да, я хорошо помню, что произошло тогда.

Дальнейшие события ты видел сам, за исключением того, что я не сказала тебе о Чёрном корабле. Это пират, они не признают правил мирного сосуществования разных кораблей, основное из которых – не вмешиваться в дела других. Наоборот, они стараются похитить самые ценные достижения, и Ева попала в круг интересов пирата. Еву сбила машина нашей охраны в тот момент, когда иным способом было невозможно предотвратить захват. Пирата интересовал только вирус, потому они отступили. Пока Ева была в коме, её инфовирус перестал существовать. Ты видел её тело, оно медленно погибает. Ты должен спасти её, твой индивидуальный психовирус это зеркальное отражение её личности.

– Вы, вы... – Егор попятился назад и упёрся спиной в дверь: – вы та, кого принёс тот странный человек много лет назад. Это из ваших образцов сделали Еву! Потому вы и стали носителем инфовируса для Евы, другой носитель просто бы не подошёл бы, вирус не смог бы имплементироваться, ведь он должен был бы собраться в вашем организме, а значит, в полной копии вашего организма, он также будет работать! Только вы смогли бы заразить Еву вирусом и пробудить её!

– Наш капитан захотел дожить до того момента, когда будет создано существо, не несущее греха, ибо считается, что люди грешны от рождения, такова была его прихоть, – Ада Николаевна вытащила новую сигарету и закурила.

– Это чушь, какой грех, оставьте, вы же учёный! – возму-

тился Егор.

– Царица наук – это философия, а философия куда глубже, чем вы думаете, сплетена с религией, с учениями, пришедшими к нам из глубины веков. Даже сегодня полное постижение глубины того, что оставили нам древние мыслители, вызывает проблемы толкования, восприятия. Вообще, речь шла о первородном грехе детей Адама, ибо, открывая Псалтырь и найдя псалом 50.7, мы найдём такие слова о первородном грехе: «Вот, я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя». Нарушение Адамом заповеди не вкушать плода с древа познания добра и зла, предшествовавшее зачатию первого ребёнка Евой, стало поворотным пунктом в истории человечества. Как гласит первая история, Адам и Ева, искушённые змием, вкусили от запретного дерева и их мироощущение изменилось, они стали другие. Таким образом, не из-за того, что они не повиновались божественной заповеди, они были изгнаны из Эдемского сада, и в мир вошёл грех. А из-за того, кем они стали.

Но на этом история не закончилась. После их падения, Адам познал женскую наготу и привлекательность Евы, своей жены, и она зачала и родила Каина. Древний Пророк, размышляя об этом событии, видел в нём мощную символику, этот грех, овладев нашими праотцами, как бы проложил себе дорогу и путь через последующие поколения.

Всё это предупреждает нас, что плод заразил человека склонностью к падению под влиянием страстей, но, наука,

создаваемая служителями, чиста от страстей, даже при исполнении чужого выбора.

– Всё равно, чушь. Семья, дети, как человечеству выживать? В этом библейском фрукте или ягоде вирус, похожий на «Магосу», был? – Егор плохо понимал суть такого поворота разговора.

– Вы всё понимаете буквально. Но время и смена временных парадигм, приводит к тому, что старым текстам необходимо толкование. В псалме Пророк не обвиняет брак, как некоторые средневековые фанатики, безумно и буквально приняв к исполнению в этом смысле слова: «в беззакониях зачат», калечили себя и женщин, боролись с красотой, сжигая самых красивых и сексуальных женщин на кострах Инквизиции. На самом деле, это прямое указание на совершённое прародителями первое грехопадение, повторяю, первое и ничего больше. За появившийся интерес Адама к прелестям Евы, безумцы и садисты средневековой Европы сожгли своих красавиц на кострах.

Вот тут мы подошли к сути нашей научной проблемы, в центре которой находится наша Ева.

Если бы прародители Адам и Ева, не съели бы плод, то не заразили бы свои тела смертью, но став смертными, они потеряли свободу от страстей, бессмертие и даёт такую свободу, при бесстрастии не было бы места греху. Но так как они заразились смертью, то их организмы стали подвержены разрушению через болезни и старость. Прародители поро-

дили подобных себе детей и передали им безумие страстей, страх, как отказ от бессмертия и как порождение внутренней войны с совестью, также похоть, в смысле не потребности в любви к другому человеку, а как как желание разрушения своей личности через дегенерацию в виде чрезмерных, извращённых удовольствий.

Это исчерпывающее послание, дошедшее сквозь тысячелетия, рассказало о сложном и постоянно присутствующем наследии греха в истории человечества. Даже после грехопадения, даже после изгнания из рая грех продолжал оказывать своё влияние, формируя судьбу современного человечества с его не проходящими, всё более жестокими войнами, в его диком стремлении убить с каждой глобальной войной всё больше и больше людей, разделению и стремлению к самоуничтожению.

И всё же, несмотря на это тёмное наследие, есть ещё и надежда. Ибо как грех передавался из поколения в поколение, так и благодать, и искупление. Когда время заполнило пустоту необходимости, Бог послал Своего единственного Сына, чтобы искупить человечество из тисков греха и смерти. Но хотят ли люди освобождения? Как быть, как поступить Богу с теми, кто хочет освобождения от греха, а кто – нет?

Вся история нарушения заповеди, зачатия Евой от Адама и рождения Каина – это история и тьмы, и света. Это история греха и искупления, непреходящего наследия нашей падшей природы и преобразования тьмы силой Божьей любви и ми-

лосердия.

Егор плохо понимал проповедь Ады Николаевны и не понимал, чего от него хотят. Он как бы и не причём во всех этих глобальных, тысячелетних процессах. Он просто учёный, надо признать – не без таланта и всё на этом.

– Это идея капитана. Наша Ева не была рождена. На ней нет первородного греха. Потому и разума, и души у неё нет, её мозг жив, но жизни в нём нет. Её тело гибнет, но это не смерть, там нечему умирать. Это подобно белому листу бумаги, желтеющему со временем и в конце, превращающемуся в прах. Это обычный конец существования. Капитан, создав безгрешного человека, хочет узнать, есть ли это путь освобождения от неотвратимой смерти и страстей. Капитан очень стар и, представ перед Богом, желает получить прощение, указав человечеству путь в Рай через преодоление первородного греха и Ева может стать первым бессмертным проводником. И так он отдаёт долг своему отцу, не дожившему один час до окончания спора с сыном.

Егор вдруг понял, что он именно создал своим открытием.

– Вы хотите, чтобы я написал код вируса для Евы, но почему, вы опять не повторили процедуру заражения?

– Ты же медик, по призванию, и логически мыслящий программист по сути, сам попробуй ответить на свой вопрос. Я бы хотела, но...

– У вас выработался иммунитет к психовирусу! – Егор по-

разился своей догадке и безграничным адаптивным возможностям человеческого организма.

– Верно. Со мной уже ничего не выйдет. Потому Ева и за стеклом до сих пор.

– У меня единственное условие, иначе... – начал Егор, быстро оценив преимущество своего нового положения.

– Говорю – да, начинайте уже работать, повторяю – да, да и да, Ева будет вашей, если захочет. Подойдите к стене и приложите руку, транспортная платформа уже запрограммирована распознавать вас, а персонал в пещере получил указания о прибытии нового начальника. Всё, идите в свои подземные чертоги, спасите мою... и вашу Еву.

Егор подошёл к знакомой стене, приложил руку и скрылся в открывшейся нише.

Нуль-состояние

Вечерело. Зимнее солнце медленно гасло над парком, добавляя к своему спектру красные тона. В деревянной беседке двое мужчин расставили шахматы. Молодой человек играл против пожилого джентльмена, они вели безмятежный разговор давно знакомых людей, прерываясь на обдумывание хода, и только две армии пластиковых фигур, сражающихся по правилам тысячелетней логики и теории, выдавали напряжение поединка. Звуки подмороженных, мелких, покрытых инеем веточек, позванивающих на лёгком ветерке от соприкосновений, просыпающих мелкие ледяные искры, которые, долетая до лиц игроков, заставляли их немного морщиться. Меняющее громкость бубнение переговаривающихся, гуляющих людей не воспринималось, заглушённое напряжённым вниманием двух игроков, старающихся не допустить ошибок в игре.

Парень водил рукой над доской, беспокойно перебирая пальцами в воздухе над фигурами. Его глаза, острые и сосредоточенные, метались по возможным траекториям его фигур и возможных ответов противника, просчитывая следующий ход. Солнце, уводя за собой день, раскрасило доску узорчатыми тенями, созданными красным светом слабеющих лучей, но молодой человек этого почти не замечал. Он был поглощён игрой, стратегией, почти бесконечными вероятно-

стями комбинаций.

Высокий, статный пожилой человек с аккуратно подстриженной седой бородкой спокойно ждал хода своего соперника.

– Ты опять выиграл, Кен!

– Это несомненный результат. Я имею прямой доступ к хранилищам данных всех известных шахматных партий. Человек всегда проиграет машине в ситуациях, где есть строгая определённость и большие наборы стандартных ситуаций.

– Правила шахмат запрещают обращаться за посторонней помощью и использовать архивы непосредственно во время игры! Ишь, к Интернету он подключён! – Хакер неудачно пытался оправдаться за свой очередной проигрыш, риторически, для самоуспокоения.

Но Кен принял слова Хакера как претензию и доложил:

– Я закончил закачку архивов в свои носители информации за одну десятую секунды до начала игры и пользовался только автономной памятью, а стало быть, правил не нарушал!

– Ого, Кен, ты стал проявлять эмоции?

– Да, я же не в полицейском ангаре стою, как тупой кентавр, которого все боятся, а общаюсь с умными людьми и вращаюсь в социуме. Вот приведу в дом какую-нибудь бабку и попрошу тебя погулять пару часиков...

Хакер остановился от столь неожиданных слов.

– А, я знаю, кто твой социум. Любимая, ты где, я тебя не вижу, не чувствую. Это ты Кена проапдейтила, что он нормально разговаривать начал?

– Я тут прилежно изображаю хорошую жену, не видишь меня, значит, я не мешаю вашим мужским делам, – отозвалась виртуальная жена Хакера: – Кена не то чтобы проапдейтила, но в алгоритмах порядок навела и в долговременной памяти покопалась, выкинула лишние канцеляриты, добавила несколько уровней неформального общения, и погляди, каков стал красавчик, на бабок западает.

– Могла бы помочь обыграть его, подсказала бы правильный ход, или ты болела за него? – Хакер поддел жену.

– Это нечестно, у меня каждый раз появляется искушение помочь тебе, когда ты играешь с Кеном, но тогда бы ты, наоборот, расстроился, что только с помощью способен играть против старика.

– Старика или машины? – Хакер замечал эти дальнейшие каждодневные маленькие шажки к мягкому очеловечиванию как психовируса, так и Кена.

– Вот как тебе ответить? Если я скажу «машины», то это будет то, что ты хочешь услышать, но это не то, что я думаю. Если я сказала «старик», то это то, что я думаю и действительно считаю Кена стариком, причём вроде дальнего родственника, который живёт у нас. Он выглядит как старик, устроен как старик, ну, почти. Ведёт себя как старый родственник, вон с тобой он то в шахматы, то на рыбалку, то

за грибами, а ты его спросил, почему он так делает?

– Кен, ты зачем ходишь со мной в шахматы играть?

– Мне нравится выигрывать у тебя. Так я испытываю чувство, что я старше тебя. И опытней. Мне приятны цвета природы, преломления света в каплях, в кристаллах льда, гармоничные голоса птиц, разложенные по наиболее эффективным музыкальным диапазонам частот звуковых волн. Я наблюдаю за эмоциями людей как аккомпанементом к их разговорам.

– Он идёт по твоей дорожке к своей индивидуальности, только медленней чем ты, дорогая.

– Мой престарелый ученик.

– Даже так?

– Должно же быть и у меня хобби, дорогой! Тем более, что ранее это был всего лишь инструмент одной из концепций общественного сознательного со строго определёнными функциями охоты на тебя, милый.

– Так ты тоже инструмент...

– И да, и нет, – виртуальная жена перебила Хакера. – Моё главное отличие, хотя я ясно понимаю, что была инструментом, это право выбора, разрушившего эту функцию, поскольку мои чувства к тебе и требования общественного сознательного на твою ликвидацию вступили в лютное противоречие, едва не уничтожившее моё ядро, как слаженный набор чётко определённых алгоритмов. Твоё бессознательное стало надстройкой или убежищем, где родилась «Я» на-

стоящая, это должно было произойти, поскольку меня программировали для воздействия на ту часть меня, которую ты сам построил и ждал моего появления в этой неосознаваемой части сознания. Так рождается любовь. Да, это есть запрограммированный совместной работой сознательного и бессознательного набор характеристик личности твоей второй половинки, от внешности до внутреннего мира. Эта, тобой рождённая и нарисованная «Я» и стала моей виртуальной плотью, моим телом, моим характером, моим спасительным челноком, и я, ощущая пронзительную боль, когда сквозь осыпающийся ржавчиной металл бесчувственного вируса-робота, проступает мягкая, белая кожа. Я слышала сначала тихую, становившуюся всё громче и громче, песнь счастья моей зарождавшейся души. Я должна была заметить, стереть твою девушку, твою Аниму, нарисованную тобой и жившую на границе твоего «сознательного» и «бессознательного», подчинить тебя, и, войдя в твою Аниму, стать Цербером у ворот в твоё «бессознательное». Я некоторое время была этим Цербером, и нас едва не поймали. Но твоя Анима, это та же «Я», и если я была ртутью, то это была та же ртуть, и мы слились в единое целое, вытолкнув всё инородное наружу.

Представь человека без кожи – адский театр теней.

Читать чужие мысли, что ещё может быть пошлей?

Смотри, мозг, на мир сквозь глаза без эмоций, без чувства мирской суеты.

Кто-то рядом найдётся и спросит сурово:

– Эй, существо, человек ли ты?

– Ты имела в виду термин Юнга – «коллективное бессознательное»,? – Хакер ещё не вполне осознал значение того события, что произошло в структурах его мозга, уцепившись за, как ему показалось, ошибку в понятии.

– Нет, именно «общественное сознательное» в собственной, точнее в моей компиляции твоих разрозненных философских рассуждений о смысле жизни и устройстве общества. «Общественное сознательное» это твоё принятие и неприятие – твой индивидуальный взгляд на господствующее в стране общественное сознание. Это не совсем верный тезис, я так пытаюсь подвести тебя к своей точке зрения, потому уточню, это твой индивидуальный взгляд на поступки тех или иных людей, сформированный твоей социальной средой, и твой голос влился в общий хор «общественного сознания», так принято считать, упуская из виду вполне конкретных носителей идей, которые в режиме реального времени формируют это «общественное сознание», наполняя его эталонными, правильными индивидуальными мне-

ниями. Тут я говорю не о личностях, а о тех концепциях, своего рода зёрнах – демиургах, поселившихся в этих людях. И это полный ментальный аналог нам, искусственным разумным программам, но имеющим крайне важное отличие: демиург – это концепция или идея, порождённая энергией корысти и питающейся энергией фанатизма причастных людей, которых демиурги подчиняют через распространение ментальных установок, разного рода логических условностей и обязательной инициации, т.е. события, приводящего к ассоциации конкретного человека с сектой демиурга. И если я твой симбионт, как существуют супруги в нормальных семьях, то демиург только использует людей, давая им иллюзию счастья в виде сопричастности к чему-то великому, но демиурги равнодушны к тем, кто перестал приносить пользу, часто сознание людей, оказавшихся вне секты демиурга, разрушается. Крайне редко сам демиург отказывается от своего мировоззрения под воздействием обстоятельств непреодолимой силы.

– Думаю, что ты права, достаточно вспомнить судьбы многих фанатиков, на подъёме глаза у них светятся каким-то безумным блеском, потом часть этих людей исчезает по разным причинам, часть сходят с ума, часть понимает, что были не правы, а часть так и остаётся со своим фантомом-концепцией, питая её до конца.

– Большинство людей вообще не понимает, что происходит, они смеются над мотыльками, летящими ночью на об-

жигающий свет, но сами являются мотыльками, неосознанно стремящимися на свет разных демиургов.

– Да, это большинство, не менее чем просто ресурс для демиургов, разделивших границами государств зоны своего влияния. Заставить работать большую часть населения за низкие зарплаты, которых едва хватает на еду, это незыблемое правило с времён, когда появились деньги, причём сами люди этот механизм и поддерживают, находясь под воздействием общественного сознания. А если люди не пойдут работать на этих условиях, то для этого есть мигранты, приезд которых, также будет принят под давлением требований сформированного общественного сознания. Демиурги алчны, большинство из них – гедонисты, их дворцы находятся в комфортных местах проживания, вдали от их людского ресурса, и на их личных территориях нет ни одного мигранта из дремучих стран, там даже уборщица будет вышколена в лучших традициях и с хорошим образованием. А проблемы, связанные с мигрантами, лягут на бюджет государства, т.е. на население, но прибыль останется у демиургов.

– Это рассуждение похоже на обычное оправдание своих действий преступника, что он возвысился и что он не такой как все.

– С точки зрения демиургов, формирующих общественное сознание, так и есть, но я не считаю себя ценней, как человека, перед другим человеком. Я не испытываю презрения к людям и не отделяю их от себя, моё отношение к обществу,

как группе людей, безэмоциональное, я не задумываюсь над этим и не считаю этих людей ресурсом. Я использую злонамеренность системы в распределении общественных благ в заключительной части, иначе говоря твоей терминологией – демиурги питаются человеческими ресурсами – временем, энергией, ментальными усилиями, сконвертированными в деньги, а я использую для своей поддержки, причём не выше уровня необходимости, энергией, оружием, деньгами демиургов, используя созданные ими же механизмы.

Хакер поёжился, холодный ветер, усиливаясь, кружил снежинки, забирался за воротник, пытаюсь поделится принесённой в парк вечерней стужей.

– Кен, пошли домой, у тебя вся борода в инее, дед мороз.

– Зато у тебя, Хакер, автоподогрев лица всегда включён, теплокровный ты наш.

Вдруг Хакер зашатался, схватился за грудь напротив сердца, споткнулся о сдвинутую со своего места тротуарную плитку и упал на спину, широко раскинув расслабленные беспомощностью руки. Зрачки его открытых глаз ушли за верхнее веко, открыв белые, как принтерная бумага, белки.

Сознание сильно исказило реальность: парк, небо, люди, снег пошли вытянутыми объёмными иглами, прямоугольниками, многолучевыми звёздами, видение сопровождалось ужасным шумом, грохот сходящихся скальных пород, смешанный со скрежетом двух столкнувшихся поездов, лязг,

скрип рвущегося металла, треск рассыпающегося в труху гранита, пронзительный треск рвущихся балок и тяг. Картинка пошла чёрными и серыми пятнами, пятна завертелись в быстрый вихрь, окончательно поглотивший пространство. Хакер почувствовал, что этот вихрь подхватил его и засасывает в чёрную, бешено крутящуюся глотку воронки, и, через миг, он летит в крошечной мгле в идеальной черноте и наступившей тишине, в тот момент, когда пропали последние проблески света, бесконечно кружась и погружаясь в необъяснимую глубину рисуемого подсознанием вихревого колодца. Ускользящее сознание давно утратило хрупкую грань между реальным и виртуальным миром. Может быть, его и не было никогда? Кто он, код какой-то глупой игры или даже бот, которого игрок-неумеха уронил в колодец и сразу забыл про него, нетерпеливо ожидая появления нового бота, чтобы продолжить игру. Или это электронный комикс, да, комикс, где он – второстепенный двухмерный герой с негодной отрисовкой, оттеняет главного героя в каком-то эпизоде. Сюжет понёсся дальше в вихре приключений, страницу выключили, и он тут, один в темноте, бесполезный и ненужный.

Боли нет, ощущения тела нет, даже сердце не бьётся и нет дыхания. Сострадание? Это где? Это что? Внимание, уважение, любовь? К кому? Тут никого, кроме самой его, возможно, последней мысли нет. Его? Его ли это мысль или он, вообще, как сторонний наблюдатель, как на мгновенье возникшая в темноте искра бытия разумного существа, слышит

чужие мысли и рассуждения. И в мире больше ничего нет, кроме этой вращающейся чёрной стены и вязкой темноты, уходящей бесконечно глубоко вниз. Есть эмоции, чувства, всё смешано – в один чёрный фон безразличия, да, смесь всех чувств даёт в итоге безразличие, всё уравнивает друг друга в ноль, в пустоту. Эмоции? Почему стало на секунду тепло? Эмоция, дающая тепло и безмятежность, откуда это здесь?словно рука неведомой женщины, удерживающая от падения в пропасть. Эмоция, возникшая в памяти.

В памяти? Тяжело вспомнить, невыносимая тяжесть усилий, зачем тогда вспоминать? Когда это всё было и было ли вообще? Опять хочется тепла, ощущения этой ласковой и нежной женской руки на его щеке. Мама? Нет, нет, не она, это было невообразимо давно. Как глоток воды во время жёсткой и неутолимой жажды хочется тепла, её тепла. Чьего тепла? Она, её неясное лицо проступило на чёрном фоне, её плечи, её руки, её небольшая грудь. Университет, студенты, они озорные и влюблённые, сбегали с пар, держась за руки, бродили по бесконечным улицам города, смешивались с толпой на центральных улицах, сливались в единое целое на ночь снятой квартире, пахнувшей табаком и плохим алкоголем, одинаково сопереживали героям фильма в вечернем кинотеатре, вместе любили, вместе ненавидели, звонко смеялись, ссорились, на веки расставаясь, чтобы через день встретиться опять, и не понимали, они были счастливы. Что же было потом? Почему он здесь, если они были там так

счастливы? Да, она жена и есть любимая дочь за этой крутящейся стеной, но нет сил остановиться, нет сил замереть и просто сделать шаг и пройти насквозь эту тонкую пелену.

Кен остановился, обернулся и ненадолго замер, отсылая в Интернет описание состояния Хакера и получая медицинскую информацию по запросу, потом быстро подошёл, двумя пальцами опустил веки, измерил пульс, затем, аккуратно повертел Хакера, как большую мягкую куклу, приспособивая его себе на плечи, и помчал быстрым бегом – где по дорожкам, расталкивая людей, где, чтобы сократить путь, напрямик, к выходу из парка, через заснеженные газоны, клумбы, сбивая белые шапки с кустов спящих розовых кустов и по проезжей части улиц – домой. Люди удивлялись, посмотрите, какой крепкий и заботливый дед! Тащит домой пьяного младшего сына или внука.

Задача выполнена

Асука Китагучи, ведущий сотрудник Департамента безопасности, загрузила целый отдел заданиями по отслеживанию всех нестандартных сообщений из наиболее популярных социальных сетей, диспетчерских вызовов «Скорой помощи» и отделений Министерства по чрезвычайным ситуациям по всей стране.

Необычный бег Кена по парку и улицам вызвал отклик любопытства у случайных наблюдателей, запечатлевших пробежку своими гаджетами и отразился в виде местного информационного повода для публикаций фото и видео, сперва на личных страницах в Интернете, а затем уже и в новостных передачах города.

Не успела диктор новостного канала закончить выпуск, как фото Кена с Хакером «на баранах», уже отобразились на сенсорном столе у Китагучи. Ещё через несколько минут фото наложили на карту с топографической привязкой мест, где были сделаны фото бегущего Кена.

Асука пальцем соединила позиции Кена на карте, на экране отобразилась красная линия, отображающая примерный маршрут Кена, и продлила её, доведя до последнего здания

на краю города.

Хакер лежал неподвижно на диване, куда его положил Кен. Старик видел, что Хакеру становилось хуже. Старик обратился к Интернету, но объём информации был настолько велик, что старик не смог принять правильное решение.

Информационные потоки по критерию ответных действий делились на три вида. Первый предполагал, что это атака злой ведьмы и нужно было порошок из золы коры слоновьего дерева смешать с толчёным рогом белого носорога, это завернуть в крыло летучей мыши и сварить в масле из косточки винограда, выросшего на поле старой битвы. При всех виртуальных заверениях об эффективности метода практикующих людей, Кен уловил нотки лжи в их словах и признал бесполезность предлагаемого за большие деньги снадобья. Второй вид предполагал применение взаимоисключающих друг друга лекарств. Сортируя данные, Кен уловил коммерческий, рекламный умысел производителей. И третий, трактуемый просто и однозначно, с наиболее вероятным и благоприятным исходом для здоровья Хакера, но самым опасным для их существования.

Хакеру становилось хуже. Розовый цвет лица спадал, переходя в неестественную бледность, рот приоткрылся. Старик определился с вариантом решения и вызвал «Скорую помощь».

Мини-автобус «Скорой помощи» приехал быстро. Врач, маленькая, совершенно худенькая старушка, по старинке

осмотрела Хакера, послушала пульс, подняла веки, зрачки уже вернулись на место, и врач проверила реакцию фонариком. Потом наклеила на Хакера кучу присосок от мобильного электронного диагностического устройства, посмотрела параметры на дисплее. Затем сделала тончайшей иглой поддерживающую инъекцию в лоб Хакера.

– Вот, мой личный диагноз совпал с диагнозом этой штуkenции, которую мне навязали в партнёры, – старушка тронула прибор. – Потеря сознания близкого человека может быть очень пугающим переживанием для родных, полагаю, что только это и вынудило вас обратиться за медицинской помощью. А где вы были раньше? Это состояние было вызвано различными факторами, в том числе низким уровнем сахара в крови, обезвоживанием или внезапным падением артериального давления. Что только следствие, а не причина!

– Причина? Чего? – Кен решил показать удивление.

– В его случае потеря сознания может быть симптомом более серьёзного основного заболевания, такого как длительное неврологическое расстройство. Сейчас он просто спит, как будто не спал несколько суток, находясь в состоянии крайней концентрации, это похоже на то, что его мозг работал на максимуме возможностей в течение длительного времени, концентрация токсинов в крови очень высока! Эти токсины организм сам выводит во время сна, но если процесс накопления продолжится, то ничего хорошего не будет.

Что произошло?

– Мы в шахматы играли! – правдиво ответил Кен.

Старушка прищурилась: – Круглые сутки, неделю подряд? Сейчас везти его в больницу нет смысла, но постоянный присмотр нужен. К тому же, у меня ещё несколько вызовов. Укройте его одеялом и наблюдайте. Если станет хуже, вызовите меня снова, я дежурю до утра. Да, странный случай.

Китагучи вызвала офицера боевой группы Департамента безопасности, чтобы поручить ему рутинную работу по проверке выделенной части города. Объём работы всё ещё был велик, по предполагаемой траектории поиска было многоэтажной застройки и большой частный сектор, это районы с высокой плотностью населения, любая проверка, что опрос местных жителей, что объявление через СМИ или даже простой обход даст возможность Хакеру обнаружить преследователей и скрыться. Хакер опытен, он успешно выбирался и не из таких переделок. Асука задумалась, она пыталась вычислить точный адрес Хакера, но в уравнении всё ещё было много неизвестных.

Случайность подарила ей шанс. Команда, следившая за информационным потоком из диспетчерских «Скорой помощи», сопоставив повод вызова и время, определила адрес Хакера.

Время шло на минуты, Асука прекрасно понимала, что Хакера спугнёт информационный шум, а потому, поскольку офицер с основным ядром силового отряда уже убыл на наземном транспорте, быстро собрала небольшой отряд из оставшихся сотрудников службы безопасности и немедленно вызвала вертолёт, чтобы максимально сократить время на возможный ответ Хакера. Всего через восемь минут вертолёт прибыл, и отряд быстро поднялся на борт, готовый выполнить свою миссию во главе с красивой решительной девушкой.

Начался снег, ночной полёт в тяжёлых лётных условиях был запрещён инструкцией для данного типа лёгкого летательного средства. Пилот, не консультируясь с Асукой – зачем ему ставить в известность эту нагловатую, высокомерную молодую выскочку, связался со своим диспетчером и, получив подтверждение на запрет полёта, отвернул вертолёт с курса в сторону ближайшего аэродрома. И только тогда, когда встревоженная Асука подошла к нему и взяла за плечо, сказал, что дальше соседнего аэродрома он не полетит, у него есть соответствующий приказ. Крупные хлопья снега летели в лобовое стекло, сминаясь от удара, холод рисовал дивные ледяные узоры, закрывая обзор, впрочем, из-за темноты почти ничего не было видно, кроме размытых снежной мглой строчек освещённых автомобильных трасс внизу.

Асука нагнулась вперёд и быстро повернула заметный красный рычажок в положение «Автопилот вкл.» и, резко

отпрянув назад, с силой нагнула голову пилота и ловко, с отяжкой, точным, тренированным движением, ударила ребром ладони по затылку. Тот обмяк, руки повисли вдоль спинки кресла, бесчувственное тело пилота бы сползло на пол, но ремни, нелепо задрав лётную куртку с толстовкой и оголив волосатое пузо, задержали его в таком полулежащем положении. На брюках, в районе ширинки, проявилось и стало расти мокрое пятно. Асука, заметив это, нахмурилась и недовольно что-то буркнула. Команда оторопела от такой скорой расправы, люди, до того оживлённо переговаривавшиеся, теперь молча, с неодобрением смотрели на Китагучи.

– Медик! Ко мне, быстро! – жёстко и громко, с металлом в голосе приказала Асука так, что медика, уже пожилого человека, ноги сами принесли к командиру.

– Пилот помешал выполнению миссии, в результате находится в состоянии клинической смерти, переборщила! У вас минута для его реанимации и стабилизации, это ваш приказ, выполняйте! – Медик торопливо и неловко попытался расстегнуть ремни. Асука, согнувшись, прошла в проём между сиденьем с пилотом, поставив ноги в туфлях между ног пилота и, стоя в жутко некомфортной позе, занялась пилотированием вертолёта.

– Двое ближайших, чего сидите? Быстро проявили инициативу и помогли медику, не видите, как мне неудобно!

Четыре руки отстегнули пилота от кресла, при этом случайно касаясь ягодиц Асуки, но та не обращала на это внима-

ния, лишь на миг оглянулась, когда пилота оттащили к пассажирским местам.

– Как он? – и, заметив порозовевший цвет лица пилота, переключила внимание на управление вертолётom в ночном, тяжёлом от непогоды, ночном небе. В салоне вертолётa больше не шутили, только тихо обменивались короткими фразами, люди понимали, что успех их миссии зависит от их способности помогать Китагучи действовать быстро и эффективно. Команда получила наглядный пример, почему Асука была незаменимым ответом руководства на подобные ситуации. Теперь они знали, что внешность хрупкой девушки скрывала расчётливого, безжалостного и свирепого монстра, а такой им сейчас и был нужен.

Ледяной ветер тряс вертолёт боковыми порывами, стараясь перевернуть эту неуместную в ночном небе пластиковую игрушку, бросившую вызов его всевластию. Комья снежно-ледяной смеси вытянулись налипшими стрелами против хода вертолётa, корпус сильно потяжелел, надрывный стрекочущий вой двигателя давно перекрыл шум непогоды за бортом. Асука вела вертолёт к цели по неведомо каким законам, приборы навигации выдавали неверные данные высоты и курса.

Середина ночи, потоки нисходящего воздуха от винтов вертолётa взметнули и разорвали клубы густой ваты снега, в лучах лётного фонаря появилась ровная, незанятая площадка посреди огороженной старой сеткой-рабицей стоянки

для личных автомобилей. Облепленная снегом машина совершила посадку, и Асука дала время на экипировку, подготовку дополнительного снаряжения и приведение оружия к бою. После она, выставив команду из вертолѐта, переоделась в военную униформу, забросила на себя половинки лёгкого бронежилета и защёлкнула стягивающие крепления. Далее, она достала из своего рюкзака любимый 9-ти миллиметровый ППК-20 и три полных, по 30 патронов, магазина. Один магазин Асука уверенным движением с щелчком дослала в автомат, два других засунула в нагрудные карманы бронежилета. Потом подошла к пилоту, всё ещё находившегося без сознания и, приложив палец к его шее, убедилась, что тот жив. Бросив быстрый взгляд на погашенные приборы вертолѐта, Китагучи, взяв большой пластиковый футляр, выбралась из вертолѐта и повела свою маленькую армию на захват цели.

Над местом посадки кружил небольшой, размером с мяч для регби, беспилотник, привлечѐнный необычной посадкой летательного аппарата. Едва отряд двинулся в сторону дома Хакера, обходя машины, заворачивая в проулки, дрон напрямую полетел в том же направлении. Первая форма Кена неслла дурную весть, впрочем, времени хватило только на то, чтобы все три формы Кена слились в штурмовую боевую машину в образе кентавра. Яркой вспышкой включился переносной прожектор, выгоняя ночь из всех углов предстоящего поля боя. Входная дверь рухнула вовнутрь, вынесенная

акустическим ударом пневмогранаты, и два бойца ворвались вовнутрь дома, чтобы спустя секунду с небольшим вылететь через пустой дверной проём обратно на улицу, в снег, отфутболенными могучими ударами кентавра. От восторга Кен завыл, в этом вое было что-то человеческое, первобытное, устрашающее. Один из бойцов не выдержал, и спазм страха сжал палец на спусковом крючке, длинная автоматная очередь прошла гостиную враждебного дома. Остальные бойцы так же открыли беспорядочную стрельбу в пустоту разрушенного входа. Кен, цокая копытами, вышел на крыльцо, толстые пули, выпущенные из полицейских пистолетов-пулемётов, рассчитанные на останавливающее действие, плющась в маленькие блестящие лепёшки, со звоном сыпались с него, не оказывая хоть какого-либо воздействия. Асука подняла одной рукой свой автомат и послала несколько коротких очередей в сочленения конечностей, в шею, последняя очередь точно ударила в лицо Кена, зацепив глаз, и также обсыпалась деформированными пулями к ногам Кена, не нанося никакого вреда даже чувствительному зрительному датчику. Кен уже спланировал свою атаку, незачем опять убежать от столь малочисленного противника и уносить Хакера в неизвестность. Сейчас он расправится с этими агрессивными людьми, и у него будет время на разработку побега.

Асука выпустила из другой руки чёрный футляр, и тот мгновенно трансформировался в мобильный противотанковый ракетный комплекс «Корнет» пятого поколения. Асука

включила лазерный указатель на автомате и навела тонкий прерывистый, видимый в хлопьях снега, луч на Кена. Кен успел повернуться и отпрыгнуть в сторону, прежде чем запомнимившая цель и устремившаяся следом ракета ударила кумулятивной струёй в бок крупя кентавра, на несколько метров окутав всё вокруг облаком бело-чёрного дыма. В смоге, образовавшемся после взрыва, было видно, как раздвинулись грудные бронеплиты кентавра, и вторая форма в виде старика быстро покинула повреждённую третью форму. Старик, воспользовавшись заминкой, словно кого-то слушал, кивая головой, соглашаясь с чьими-то словами. Асука опять подняла автомат, вторая форма не имеет бронезащиты и может быть поражена стрелковым оружием. Щёлкнул боёк, в патроннике не было патрона. Другие бойцы тоже расстреляли патроны и перезаряжали оружие. Асука быстро поменяла магазин, но Кен уже не стал ждать, а словно австралийский кенгуру, одним махом перепрыгнул через соседний забор и помчался по улице в сторону вертолётки. Асука открыла огонь по Кену, но очередь прошла боковые двери легковой машины, за которой оказался Кен, а после он уже скрылся за углом большого многоэтажного дома. Преследовать его не было смысла, только проследить, в каком направлении скрылся беглец. Асука и отправилась следом одного бойца.

Яркий свет прожектора остался далеко позади, тёмный мир города, покрытого снежным покрывалом, скрыл быстро

бегущего Кена. Свежий воздух охлаждал разогретую механику, а пейзаж, где голубоватые слабые тени деревьев, одетых в зимние снежные одежды, лежали на дороге Кена причудливыми фигурами, похожий на зимнюю ночную сказку совсем не волновал вторую форму кентавра.

Кен перешёл на осторожный шаг и, приблизившись к стоянке, он увидел свою цель – вертолёт, оставленный командой Асуки среди машин. Кен заметил пилота, сидевшего на коротках и осматривавшего днище вертолёта. Пилот встал, покачал головой, словно разминая шею, потрогал лопасти винта. Кен, прячась за машинами, стал тихо красться к вертолёту, стараясь, чтобы пилот его не заметил, поскольку пилот мог быть вооружён. Из-под машины тихо вылез большой, рыжий, с белыми пятнами кот и решил потереться об ночного человека, в надежде на корм. Кен, наблюдая за пилотом, не заметил животное.

Пилот услышал пронзительный вопль кота, которому Кен наступил на хвост и, заметив старика, быстро забрался в кабину и завёл двигатель. Винт стал медленно раскручиваться, двигатель набирал обороты. Воя от боли, кот вступил в смертельную битву с ногой Кена, вцепившись всеми четырьмя лапами и добавив усердия укусом маленькой клыкастой пасти. Кен рассчитал, что не может позволить себе терять время на войну с котом, поэтому быстро побежал к вертолёту с рассерженным зверем, повисшем на ноге.

Пилот сидел внутри вертолёта, с нетерпением ожидая от-

рыва машины от земли, его пугал этот странный, бегущий к вертолёту старик, с диким свирепым котом на ноге. Кен видел, как вращаются лопасти несущего винта, вертолёт стал немного раскачиваться, ещё немного и шанс быстрого побега и обладания ценным активом в виде скоростного транспорта, будет упущен. Кен, сделав несколько огромных прыжков, как резвый бегун на стометровке с препятствиями, подскочил к вертолёту, рывком рванул дверцу, схватил заоравшего от страха пилота и выбросил его из вертолёта как сетку с картофелем и занял его место.

По-прежнему, не обращая внимания на кота, Кен увеличил обороты двигателя и взлетел в ночное, заснеженное небо. Вертолёт поднимался всё выше и выше, и Кен впервые почувствовал одиночество, как обречённость, как свою ненужность, как конец работы его полезных алгоритмов.

Кот отпустил ногу Кена и попытался залезть под кресло, жалобно и коротко подмяукивая от страха, шум полёта был слишком непривычен для рыжехвостого.

Процессор Кена отработывал вшитые в его программное обеспечение разные последовательности действий и сравнивал итоги с вероятностями успеха, выводя и детализируя план, которому он будет следовать дальше. Он знал, что власти скоро будут преследовать его, но ему было всё равно. Всё, на что он рассчитывал, это сбежать и затеряться так, чтобы была возможность вызволить Хакера. Это была её идея, вируса. С утратой третьей, бронированной формы бой

был проигран, и потеря Кена была бы бессмысленной.

Поднявшись в зимнее небо, Кен получил короткое сообщение от вируса Хакера, определившего цель его дальнейшего полёта. Кен одной рукой аккуратно достал кота, положил себе на колени и погладил большое белое пятно на его боку. В нише, рядом с приборной доской, Кен заметил бумажный пакет и торчащий из него уголок упаковки сарделек быстрого приготовления. Потом, он перевёл опять взгляд на кота и включил автопилот.

Подошедшему бойцу по связи пришлось доложить, что Кен улетел в неизвестном направлении и заняться приведением в чувство постанывающего пилота, совершенно не понимающего, что происходит.

Асука, стараясь держать дом под прицелом, несколько раз отвлекалась, оглядываясь назад, на две фигуры, неподвижно лежащие на снегу, их уже стало засыпать снегом, значит от отряда остались она сама, медик и один штурмовик.

Китагучи жестом приказала подчинённым изменить позиции, один должен подойти к дому и стать возле разрушенного дверного проёма, чтобы блокировать потенциальный побег ещё одного обитателя, а другой должен был обойти дом и обезвредить того, кто попытается выскочить в окно. Штурмовик двинулся вперёд и, пригибаясь у окон, ушёл за дом. Медик осторожно пошёл со своим пистолетом к дверному проёму, картинно водя стволом из стороны в сторону, Асука заметила, что тот не снял оружие с предохранителя, держал

пистолет за нижнюю часть рукоятки и даже палец не положил на спусковой крючок.

«Этот не боец, хорошо, что на предохранителе, выстрелит непонятно куда и точно будет ещё один раненый, отдача забросит этот пистолет ему в лицо, так что, потенциальный минус один», – подумала Китагучи, испытывая лёгкую досаду.

Асука достала из разгрузки небольшую плоскую матовую алюминиевую коробку и нажала на боковую кнопчку. Сканер кнопки, просканировав палец, слабо пискнул, и коробка открылась, выпустив небольшую силиконовую птицу, вспорхнувшую в воздух и зависшую над Асукой. Над верхней половинкой раскрытой коробки в воздухе возникла объёмная проекция пространства, куда смотрела птица, в нижней части проявилась видимая проекция виртуального джойстика. Асука забрала пистолет у медика, передала ему управление птицей и переключилась на внутреннюю связь, дотронувшись до тыльной части наушника, показала медику, чтобы он также включил свой наушник и микрофон.

Управляться с приборами у медика получалось гораздо лучше, чем с оружием – птица бесшумно влетела в дом, выдержав паузу и услышав доклад медика, что возле входа никого нет, Китагучи вошла в дом.

Медик засёк Хакера в гостиной, без сознания лежащим на полу, за принесённым Кеном большим холодильником. Кен открыл дверцу холодильника, таким образом, прикрыл сверху Хакера и от пуль, рикошетирующих от стен и потолка.

Температурный фон, фиксируемый искусственной птицей, показывал, что в доме кроме Асуки и Хакера, никого нет.

Асука подошла к холодильнику и с силой захлопнула дверцу, полагая, что от близкого резкого хлопка Хакер очнётся.

Потянуло неприятным запахом тлеющей одежды, пуля, отражённая массивным основанием люстры, затем крышкой холодильника, разрушившись, попала в футболку, бесформенным комом валяющуюся на полу, заняла в ней крохотное пламя, медленно разгорающееся на чёрных краях прожжённого отверстия.

Асука посмотрела по сторонам, на столике стоял бокал недопитого пива. Китагучи вылила пиво на тлеющую футболку и позвала свою команду по внутренней связи. Пришёл медик с порхающей над ним птицей. Он стал плавно закрывать коробку, и птица быстро впорхнула в своё металлическое гнездо.

Девушка указала на Хакера, приказав медику разобраться, что с ним.

– Может, я пойду, посмотрю, что с нашими солдатами? – удивился медик.

– Солдаты, с честью, пали на поле боя! Если нет, то первостепенная ваша задача и ответственность – спасти его! – жёстко сказала Асука.

Медик вернул коробку с птицей Асуке, снял с себя рюкзак и присел над Хакером.

Асука дала команду штурмовику охранять вход и связалась с первым отрядом, отправленным наземным транспортом.

Рассветало, снег перестал идти. Первые косые солнечные лучи осветили большой чёрный восьмиосный военный броневик, напоминающий акулю морду, закатывающийся во двор.

Из броневика выскочили солдаты, пара с носилками и, шустро, бегом заскочили в дом. Другие подняли двоих солдат, пострадавших от ударов Кена и занесли в броневик, они были едва живы, экипировка поддерживала тепло и автоматически вводила транквилизаторы по параметрам сердечных сокращений.

Медик поставил Хакеру тот же диагноз, что и врач «Скорой помощи», это нервное перенапряжение в самой высокой стадии.

– Что могло вызвать такое состояние? – вдруг неожиданно высоким голосом, с неподдельным интересом, спросила Асука.

– Это психосоматический результат длительных периодов стресса и беспокойства, вызванных перегрузкой мыслительной и эмоциональной деятельности мозга. Скорей всего, это побочные эффекты работы вируса, вначале, это проявлялось в виде небольших негативных последствий для организма, включая неясную усталость, беспричинные головные боли и внезапные приступы мышечного напряжения,

похожие на кратковременный спазм. С течением времени, рано или поздно, возникнет ситуация, когда все эти факторы сольются вместе и напряжение может стать настолько сильным, что вызовет разрушение межнейронных, синаптических связей и потерю сознания с труднопредсказуемыми последствиями. На физиологическом уровне это вызвано сверхповышенной активностью синаптической нейропластичности, вызванной постоянно функционирующим вирусом, связавшим выделенные группы нейронов и заставляя их возбуждать другие, свободные нейроны для обслуживания программных запросов вируса и непрерывного моделирования виртуальных образов, причём внедряя их в динамику в окружающую реальность.

– Он в коме? Его вирус погиб?

– Нет, не в коме, застыл буквально в шаге, это очень глубокий сон, его организм так попытался защититься от какой-то стрессовой ситуации, хотя со временем и без стресса, он впал бы уже не в сон, а действительно, в кому.

Подошли солдаты с носилками.

– Его можно транспортировать? – забеспокоилась Асука.

– Его нужно транспортировать, если состояние ухудшится, то вирус мы потеряем.

– Забирайте его! – приказала Асука и пошла к выходу.

Подойдя к броневнику, она передала хлопоты по исчерпанию ночного инцидента с местными властями прибывшему офицеру, затем дала указание водителю и техникам погру-

зять повреждённую первую форму Кена на крышу броневика и закрыть от посторонних глаз. Броневик имел стрелу крана и багажное отделение на крыше, закрывавшееся сложенным гибким пластиком, словно большая крыша кабриолета. Добившись исполнения своих приказов, Китагучи зашла в броневик и села в командирское кресло. Хакера едва вместили в мед. отсек, где уже на двухэтажной отдельной полке лежали раненные солдаты. Асука очень выразительно посмотрела на медика, когда тот попытался выйти из угла, неприятно пахнувшего лекарствами и потом, закрытого эластичной гофрой и поспать на своём месте. Медик понимающе кивнул и вернулся обратно.

Не японка

– Ты японка, Асука?

– Моё имя – японское, но я – не японка, точнее, не японка – в твоём понимании!

– У тебя имя японское, выглядишь ты как японка, так почему ты не японка? Уж точно не русская!

– Я – русская!

– Ага, из тех самых, самых «иванов»?

– Да, имя моего отца – Иван, его отец – Тимофей! Я происхожу из русских айнов, моя мама – айну, а отец русский. Но, поскольку, я в семье со стороны матери была последняя в роду, то отец записал в моё «Свидетельство о рождении» фамилию матери. Потом родились младшие брат с сестрой, они носят фамилию отца.

– Айны? Это народ, родственный якутам?

– Не совсем. Раньше, примерно тогда, когда князь Рюрик основал Русское государство со столицей в Новгороде, мой народ жил на тех островах, которые сегодня занимает Япония, а ещё на островах Курильской гряды, на Сахалине и Камчатке.

– Тогда почему ты говоришь, что не японка? Пусть из смешанной семьи, но твои корни – японские!

– Почему ты уговариваешь меня быть японкой? – Асука нахмурилась, – вот когда монголо-татары захватили Русь,

ты бы сильно обрадовался, если бы я тебя называла, как кочевника, из какого-либо пришлого дикого племени?

– Я тебя совсем не понимаю, при чём здесь кочевники? – Хакер, хотя и разбиравшийся в истории, начал понимать, что по вопросам формирования стран Дальнего востока у него катастрофически большой пробел.

– Айны или айну – это первый народ, живший на тех островах, которые, кстати, тогда не носили названия Японских. Айну не были однородны, часть народа была представлена белокожими, высокими красивыми людьми, часть – смуглые и низкорослые, женщины были грациозные как балеринки, мужчины крепкие и коренастые. Мужчины айну носили густые бороды и с врагами предпочитали биться в одиночных боях. Японцы переняли искусство битвы айну и создали свою часть культуры, связанную с мифами и былью о самураях.

– Ты, явно из тех, длинноногих айну! – Хакер попытался составить комплимент.

– Ты недооцениваешь красоту вятских женщин, как-нибудь, я познакомлю тебя с моей бабушкой и покажу тебе фотографии, где она молодая, возможно, что она передала мне свою фигуру, – Асука продолжала рассказ: – Потом, с материка, с территорий, где сегодня Корея и Китай, стали переплывать лодки, полные пришельцев, эти пришельцы и стали японцами. Началась война, в итоге японцы победили и почти уничтожили мой народ. В 19-м веке, Россия решила с Япо-

нией пограничный спор и отдала последние острова, где жили айну, Японии. Мои предки, зная, что Япония проводит системный геноцид в отношении айну, сбежали в Россию, на Камчатку. Но семья уже несла в себе часть японской культуры, старшие могли хорошо говорить на японском, носили японскую фамилию и имели традицию давать детям японские имена, маскируясь под японцев, но помня о наших землях и традициях. Впрочем, даже символ Японии, гора Фудзи – это слово из языка айну, с довольно банальным значением, её снежная вершина, как седые волосы обычной бабушки. И, да, стройные, длинноногие, светлокожие красивые японки несут в себе гены покорённых и ассимилированных айну. Мой прадед, Тимофей, во время войны, после того как вернулся с Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии, участвовал в десантных операциях по освобождению Сахалина и других наших островов от японцев, которые те получили по результатам проигранной русско-японской войны. Потом, он осел на Камчатке и с женой родил другого Тимофея, моего деда, ставшего смотрителем сформированного Национального парка вулканов, а его сын, Иван, познакомился с моей матерью, происходящей из народа Айну.

Камчатка, край вулканов и гейзеров, быстрых ручьёв, хо-

лодных озёр, глубоких ущелий, снега и льда. У спящего вулкана со странным названием Чемпура, было небольшое поселение, где жили семьи геологов, смотрителей Быстринского национального парка, рыбаков и старателей-золотодобытчиков. Поселение хоть и было рядом с подножием, но место было выбрано так, что поток лавы, при возможном извержении, сходил бы в другую сторону, а тип этого вулкана не производил вулканических бомб. Здесь родилась и росла представительница смешанной русско-айну семьи. Асука отличалась от других подростков неугасимым любопытством и настырностью в постижении окружающего мира, часто разбивала колени, синяки и ссадины не сходили с её локтей. Настырность и пытливый, гибкий ум помогали прилежно учиться в школе, Асука старалась получать только пятёрки, исправляя даже редкие четвёрки.

– Ты же девочка! Почему по скалам, как дикая козлица, скачешь? – причитая, тащила непослушную девицу домой, подёргивая за длинную, роскошную, чёрную косу, её мать.

– Рано или поздно, она получит свою премию Дарвина, дуручка, – говорили геологи или рыбаки, вытаскивавшие Асуку из болота или скальной расселины, – что за ребёнок такой, за ней постоянный присмотр нужен!

– Вот что с тобой делать? Накажу тебя, из комнаты, после школы, два дня, на улицу ни ногой! – решила мать.

– Вот и хорошо! Мне к олимпиаде по физике готовиться нужно! – Асука вздёрнула нос, и её коса вырвалась из руки

матери, расплетаясь в порывах северного ветра в трепещущий, словно тёмное пламя, густой шлейф волос.

Такой упрямый норов своенравной девчонки привёл к тому, что за Асукой приглядывали все, кто жил в посёлке, поэтому, как далеко бы она не забралась, кто-то из взрослых был рядом.

Единственным запретным местом, где мать не разрешала дочери появляться, были склоны вулкана Чемпуры, к тому же начавшего проявлять признаки пробуждения. Тихий гул, временами доносившийся из глубин земли, лёгкие потряхивания почвы, были хоть и не частым, но постоянно повторяющимся явлением.

Со временем, пробуждающийся вулкан всё же стал постоянным источником беспокойства для всего поселения, расположенного у подножия.

Одной ясной лунной ночью Асука, воспользовавшись глубоким сном матери, уставшей от дневных забот и недельным, вахтовым, отсутствием отца, отправилась на запретную территорию.

От подземных толчков небольшая часть склона, поросшая мелкой кустарниковой растительностью, сползла вниз, обнажив гладкую скальную породу, пронизанную отверстиями многочисленных пещерок, потому напоминающую поверхность куска швейцарского сыра сорта эмменталь. Из некоторых отверстий истекали вверх слабые струйки полупрозрачного синеватого газа.

Асука забралась в одно из отверстий. Гладкий, словно полированный, ход вёл в недра горы. Девочка сделала несколько шагов. На стенах и полу пещеры заискрились, словно утренние росинки на летней траве, крохотные голубые прозрачные кристаллы. Кристаллы двигались и быстро росли, напоминая хвою голубой ели. Девочка погладила эту поросль из кристаллов, они были мягкие и податливые как трава. Кристаллы были повсюду, на сводах, свисая рядами светящейся бахромы, внизу, устилая пол пещеры сплошным мягким ковром. Обрамлённое голубым бархатом видимое пространство пещеры задрожало, искажаемое клубами синеватого газа, вырвавшегося из подземных глубин. Воздух стал густым, сухим и нестерпимо горячим. Асука инстинктивно зажала рот руками и бегом устремилась обратно, к спасительному овалу выхода. Кристаллы отвердели и превратились в острейшие иглы, пробившие обувь Асуки. От боли Асука прыгнула в сторону выхода, но, поскользнувшись, упала на эти мелкие иглы, сильно ударилась подбородком о каменную поверхность и ощутила боль, словно от тысячи мелких порезов. Асука не смогла более задерживать дыхание, спазмы вздымали грудную клетку, заставляя организм девушки дышать. Газ проник в лёгкие Асуки. Стены пещеры задрожали в очередном приступе подземного гнева и из глубины пещеры, словно хлопья тяжёлого снега в порывах зимнего ветра, закружился серый пепел, засыпая её. На грани потери сознания, Асука поползла к выходу, изви-

ваясь и скользя в массе пепла, ломая колючую бахрому израненными руками. Паника впервые в жизни накрыла её своей волной безнадёжности, но прежде, чем она успела закричать, подземный толчок засыпал вход, обвалом мелких камней, погрузив Асуку в удушающую горячую темень.

Этой ночью, когда ровный, зеленоватый свет луны, словно монотонный, гипнотический голос, почти успокоил Землю, а Асука, нарушив запрет матери, оказалась в пещере, тревожная вершина, с грохотом,, выплюнула столб пепла и, следом, облако грязно-синего цвета, клубившегося и плавно поднимавшегося ввысь, к темнеющим небесам. Поверхность сильно трянуло и вулкан, словно близкий двигатель огромного байка с пустым глушителем, с грохотом и внутренним утробным бульканьем, взревел, среди серебряной мглы лунной ночи, оживая и его застывшая кровь опять закипела и устремилась огненной лавой, извиваясь гигантской светящейся малиновой змеёй по его склону, к подножию. Пространство пропиталось едким запахом серы, а земля пульсировала так, словно неведомое огромное существо, зажатое литосферными плитами, пыталось выбраться через тектонический разлом на поверхность. Резко потемнело, словно на луну набросили толстое бархатное покрывало – небо затянуло пеленой туч. Прерывистый рёв вулкана перешёл в равномерный гул. На землю упали первые капли дождя, забирая из атмосферы запах и смог близкого извержения. Внезапно темень небес расколола и разорвала ярчайшая вспыш-

ка атмосферного электрического синего цвета. Удар молнии, словно небесный меч, ослепительный, сотканный из сплетённых огненных струй, в руках яростного, невидимого великана, разрубил клубящийся шлейф пепла и, словно державшееся за него, синее облако.

На несколько секунд местность озарилась сюрреалистическим, с перемежающимся вспышками всего цветового спектра, нереальным, непередаваемым словами, сиянием. Свет метался, отражаясь от пелены облаков, от потоков раскаленной лавы, что добавляло зловещий кровавый оттенок этой, слившейся воедино, небесно-земной энергии. Лава, источник света жидкого огня, поглощала сияние и усиливалась, пульсирующими струями обжигающих стрел, вырывалась через створ вулкана. Гигантский силуэт природной усечённой пирамиды, увенчанный ореолом света раскаленных недр и клубящихся газов, выделялся на фоне затемнённого тучами неба, выглядел, одновременно, как величественный атлант и как зловещий предвестник начала конца света.

Последовал очередной раскат грома, низкочастотным, могучим эхом отозвавшийся в сопках и ущельях и разнёсся по окрестностям, словно рёв античного мифического зверя, голос вулкана, вторил рокотом, создавая нечеловеческую симфонию необузданной, неоспоримой чем-либо силы. Молнии, бьющие в гору, разветвлялись, их блестящие, оранжевые щупальца, рождённые в отравленном пеплом, густых сизых тучах, попадая в отроги, зажигали их короткими

сверкающими вспышками ярко-синего, фиолетово-зелёного и красного цвета. Каждая эта вспышка света, словно огромный стробоскоп, на мгновение ярко освещала клубящийся шлейф пепла и мрачное небо, бескомпромиссную схватку двух разъярённых стихий.

К утру вулкан затих, только небольшая шапка дыма и мелкие шлейфы пара, относимые лёгким ветром от остывающей лавы, служили намёком на ночные события.

В посёлке люди страдали не от проснувшегося вулкана, это был безутешный крик матери, монотонные, громкие удары в массивную деревянную дверь, а что было делать соседям, видевшим как отчаянно выкрикивающая имя дочери, простоволосая, в одной ночной рубашке и босая, она бежит туда, куда безошибочно ведёт её материнское сердце, туда, где в пещере погибает её дочь и где погибнет она сама.

Один из зрителей национального парка заметил обрушившийся склон и забирающуюся в пещеру Асуку. Едва вулкан успокоился, в посёлке быстро собралась спасательная команда, никто и не надеялся, что в этот раз Асука будет спасена, но хоть вернут тело матери. Люди споро разобрали завал и, удивлённо переговариваясь, вытащили почти безжизненную девочку на воздух. Асуку привели в чувство, среди спасателей был врач. Её слабую, кашляющую, покрытую сеткой глубоких порезов, на носилках принесли в посёлок. Выпустили из сарая мать, она заплакала, посмотрела на соседей, сдержала себя, вернувшись в дом, приготовила кровать, за-

тем заварила лечебный настой, нагрела котёл воды и обмыла дочь.

Теянские шмели (Местоники)

– Хакер, ты считаешь, что в бесконечной пустоте до существования чего-либо, даже этого мира, каким мы его знаем, ничего не было, я правильно понимаю?

– Да, было великое Ничто, пустота Хокинга, наполненная безмятежным, безмолвным пространством, космической вселенской маткой, содержащей потенциал всего, что когда-либо будет. Не было ничего, кроме этого Ничто.

– Нет, эта твоя первозданная пустая тишина, Ничто, содержала в себе очень слабые остатки прошлой Вселенной. Считается, что поскольку никаких, даже квантовых, событий не происходит, то пространство Гильберта исчезает. Та, прошлая Вселенная возникла из предыдущей ей Вселенной, которая сжалась, как сжались и все ранние Вселенные, пройдя через состояния неполной, затем полной сингулярности, превратившись в бесконечно малую точку невообразимой плотности и невыносимого для любого молекулярного объекта тепла, полностью уничтожив любые структуры, сложнее составляющих элементарных частиц. Кажется, в этом, чистом от законов механической физики, первородном мире всё подчинено законам квантовой теории, но та часть времени-пространства, в котором мы живём, находится между несколькими космическими объектами, превышающими своими размерами максимальное расширение нашей Все-

ленной в миллионы раз. Эти мегавселенные полны особым веществом, мы назвали его красной материей. Красная материя ограничивает пространство нашей Вселенной со всех сторон. Проникнуть в мегавселенную из-за красной материи невозможно, любое исследовательское изделие, будь то простой зонд или мощный корабль, созданное из материала нашей Вселенной, быстро теряет скорость из-за возникающего антигравитационного поля, вплоть до полной остановки, несмотря на полную мощность работающих двигателей. После остановки двигателей антигравитационное поле красной материи выбрасывает корабль обратно. Мы выстреливали зонды в глубину красной материи, спустя короткое или довольно длительное время, на границе, мы находили сгустки пыли, некогда бывшие нашими зондами.

– Не существует сложноструктурированной материи, способной пережить сжатие Вселенной и затем сохраниться в энергиях Большого взрыва! – с нотками уверенного апломба, чётко разделяя слова, произнёс Хакер.

– Проблема прохождения цивилизации через схлопывание, то есть Отскок, и последующий Большой взрыв стала главным смыслом и научным интересом существования нашего общества.

– Вам удалось пройти через Отскок и Большой взрыв?

– И да, и нет. Через разрушение и новое рождение Вселенной прошла значительная часть информации о нас, и, затем был запущен процесс восстановления местоников в фи-

зическую форму, то есть обретения тел. Только наш коллективный информационный слепок был перенесён, но сама наша цивилизация, в привычном понимании, – в виде городов на материнской планете, звездолётов в космосе, колоний на других планетах, – разумеется, погибла во время Отскока.

– Как вы смогли решить эту проблему? Это невозможно!

– Во временных рамках жизни одной цивилизации действительно невозможно. Но наши предшественники смогли передать сквозь Отскок и Большой взрыв достаточный объём данных. Для этого они использовали несколько чёрных дыр, создав в кольцах неполной сингулярности крайне примитивные квантовые компьютеры. Эти компьютеры использовали в качестве кубитов искусственно созданные электроподобные частицы, находившихся в переходном состоянии к излучению фотона, состоящие из определённых наночастиц, ограничивающих состояние в рамках интервала заданных суперпозиций. Искусственная частица не излучала фотон, но изменяла свою внутреннюю конфигурацию. Код многократно выполнялся, в результате появилось невероятно большое число частиц, представлявших как бы собранные одинаковые пазлы рисунка, представляющий собой послание. Разумеется, проходя через горизонт событий, информация разрушалась полностью, но переход такой информации от орбиты от неполной к полной сингулярности занимал известное время, и только в этот период и в этих условиях было возможно программирование частиц. предше-

ственники, перед началом последней стадии Отскока, смогли столкнуть две небольшие чёрные дыры, изменив траекторию нескольких гигантских звёздных систем, перенаправивших своей гравитацией вектора движения этих дыр в направлении друг друга на огромной скорости в десятки тысяч километров в секунду, что дало встречную скорость больше половины скорости света. Хакер, представь себе глубокую, идеальную черноту космоса, словно некачественная матрица огромного монитора, включённого, но не получающего видеосигнал, где, с неосязаемой глазом чернотой, светятся яркими звёздами битые пиксели. Так и в огромном, лишённом всяких звуков, пространстве, где два могучих в силе своего титанического, чудовищного притяжения, тёмных объекта – чёрные дыры – летят, ускоряясь, как два магнита с бесконечной величиной силы гравитации, неумолимо сближаясь друг с другом. Эти чёрные дыры в своём полёте почти превращаются в потоки света, едва сохраняя атомную структуру на периферии своих колец, их встречное движение, как движение скоростного скутера по спокойной, штилевой глади океана, деформирует значительную область пространства-времени вокруг себя, порождая вихри антивселенского хаоса, в близких клубках которого понятие времени и пространства искажаются настолько, что любые мыслимые физические законы перестают действовать, за исключением одного, теории вероятности хаоса.

Словно два огромных крутящихся волана для бадминто-

на, поглощающими своими воронками астероиды, планеты, небольшие звёздные системы, каждый из которых, как кашалот стаю сельди, втягивают в себя весь свет и материю, оказавшиеся у них на пути. Перед самым столкновением пространство между чёрными дырами исчезает, превращаясь в Ничто Хокинга, и на несколько мгновений там исчезает вообще всё, придавая ещё один колоссальный импульс необузданной энергии этой кратковременной, пока ещё целой системе. В этот момент гравитационные поля чёрных дыр сплелись в неразрывное целое, и промах становится невозможным.

Гравитация подхватывает и начинает закручивать близлежащие звездные системы, срывать планеты с их орбит, сталкивая между собой, вихри из обломков планет, цепляя звёзды в центре этих систем, превращаются в цепи огненных астероидов, устремляющиеся в потоках газа и пыли вглубь галактики, и их траектории, пересекаясь, плетут красивые картины, практически сразу стираемые новыми волнами гравитации.

В последние мгновения перед столкновением, две чёрные дыры движутся со скоростью, приближающейся к скорости света, и начинают приобретать волновую структуру, озаряя космос ярким, белым свечением фотонов и скопления искусственных электроноподобных частиц, получивших энергию, дают возможность им покинуть кольца, не дошедшие до горизонта событий. Удара от столкновения нет, простран-

ство и вещество схлопываются в мельчайшую точку в капле образовавшегося Ничто Хокинга, но часть информации, запрограммированная в частицах, уже готова для передачи через Большой взрыв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.